РОССИЯ ПРАВОСЛАВНАЯ

МИТРОПОЛИТ ФИЛИПП И ИВАН ГРОЗНЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ПРОВИНЦИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга известного писателя и историка Д.М. Володихина посвящена острому моменту нашей истории: конфликту между царем Иваном Грозным и митрополитом Филиппом – монаршей властью и Митрополичьим домом. Основная причина раздора двух иерархов – опричнина, «вольное самодержавие», которое виделось царю единственной законной формой власти в христианском государстве. Это было время разгула «псов государевых», лютых пыток и казней. Однако митрополит Филипп, приняв систему и сан митрополита в ней, не побоялся заявить самовластному правителю, что государь обязан соблюдать Заповеди Божии с той же строгостью, что и последний нищий на храмовой паперти. Он заступается за жертв бесчинств, творимых по указке царя его приспешниками…

- Дмитрий Михайлович Володихин
  -
  - Вместо предисловия
  - Из рода бояр московских
  - Соловки
  - Митрополит
  - Опричная смута
  - Конец жизни земной

Дмитрий Михайлович Володихин
Митрополит Филипп и Иван Грозный

Книга выпущена в рамках совместного проекта Издательского дома «Вече» и Издательского дома «Провинция»

© Володихин Д.М., 2012
© ООО «Издательский дом «Вече», 2012

Вместо предисловия

Церковь на Руси переживала разные времена. Несколько веков вела она тяжкую борьбу с язычеством, и, бывало, гибли епископы, проповедовавшие веру Христову…

В древнюю, домонгольскую эпоху митрополит Киевский и всея Руси, желая благого устроения для своего «духовного стада», шел к великому князю. И тот, светский владыка бескрайней страны, жаловал владыку духовного.

Но вот распалась огромная Русь на множество обособленных княжеств и независимых земель. Власть великого князя киевского обратилась в ничтожество. Пришли монголо-татары, разорили Киев, установили иго ордынское. Митрополит перебрался во Владимир.

Держава долго собиралась, чтобы освободиться от Орды. И тогда, в XIV–XV столетиях, роль Церкви поднялась необыкновенно высоко. Не было мира и единства среди наших князей. Брат шел на брата, приводил на русские земли иноплеменников, иноверцев и вместе с ними жег города. Государство обратилось в одеяло, непрочно сшитое из множества разноцветных лоскутов. Одна лишь Церковь оставалась единой. В Твери, Рязани, Суздале, Ростове, Белоозере, Москве сидели разные князья. Только митрополит для всех этих княжеских «столиц» был один. Его слово по-прежнему звучало на всю Русь. Единство Церкви стало главной скрепой для единства русского народа. И выбор Москвы как митрополичьей резиденции закрепил за ней первенство среди городов русских.

В середине XV века наша Церковь перестала зависеть от Константинопольского патриарха. Митрополитов больше не назначали греки, их ставил собор наших епископов. Чуть позже на месте «лоскутного одеяла» раздробленной Руси появился прочный монолит Московского государства. У единой Руси вновь был единый государь.

Монаршая власть московская и Митрополичий дом долго, трудно, в спорах и примирениях строили отношения между собой. Менялись люди на московском престоле и на митрополичьей кафедре. Церковь понемногу уступала светским правителям политическую силу и власть над многими делами, исстари пребывавшими в ее ведении. Порой она страдала от самовластия московских государей. В иные времена жила с ними в «симфонии» – добром мире и соработничестве.

Но всегда и неизменно за нею признавалось право духовного пастырства по отношению к людям, восходившим на трон.

Никакой закон не ограничивал власть московских самодержцев. Но они, так же, как и любой из их подданных, должны были предстать после смерти перед Высшим Судией и ответить за грехи, совершенные при жизни. Государь – такой же христианин, как и все подвластные ему христиане. Государь обязан соблюдать Заповеди Господни с той же строгостью, что и последний нищий на храмовой паперти. Вот об этом Церковь и должна была напоминать самовластным правителям. Даже если за такое напоминание приходилось расплачиваться властью, свободой, жизнью…

Митрополит Филипп заплатил эту цену. Грозного, неистового царя Ивана Васильевича он не побоялся пасти посохом железным и тем вошел в народную память.

Из рода бояр московских

11 февраля 1507 года в аристократическом семействе Колычевых появился на свет младенец мужеска полу. Его крестили, дав имя Федор – в честь древнего святого Феодора Стратилата, небесного покровителя служилых людей по отечеству, как называли в ту пору дворян. Память Феодора Стратилата отмечается всего несколькими днями ранее, вот родители и вспомнили подходящего святого для новорожденного мальчика.

Древнее семейство московских бояр Колычевых происходило от знатного человека Андрея Кобылы, служившего московским князьям еще в середине XIV столетия. Семейство постепенно разрасталось, из поколения в поколение его представители занимали важные административные и военные посты. Некоторые из них служили «на великого государя» московского, прочие же оказались на службе при дворах удельных князей Московского правящего дома. В XVI столетии семейство «служилых людей по отечеству» Колычевых имело множество ответвлений. Одно из них именовалось «Лобановыми-Колычевыми». Именно к нему восходит родословие будущего митрополита Филиппа.

Ее основатель, Иван Андреевич Колычев, по прозвищу Лобан, был крупным новгородским помещиком и важным человеком при дворе Ивана III Великого. Будущему митрополиту он приходится дедом.

Сын Ивана Андреевича Степан (Стефан) унаследовал от него земельные владения на Новгородчине, да и родился где-то в новгородских землях. Он также пытался делать карьеру, но достиг куда меньших успехов. Кроме него у Ивана (Лобана) Колычева было еще четверо сыновей, поэтому богатства отца при дележе наследства распылились, и то, что досталось каждому из братьев, не могло служить надежным трамплином для возвышения. Каждый должен был самостоятельно выслуживать новые поместья и вотчины. О карьере Степана Ивановича известно крайне мало. Таких высот, как отец, он не достиг, но одно время, видимо в 30-х или 40-х годах XVI века, был дядькой (воспитателем) у Юрия – брата государя Ивана IV. Отец Юрия, великий князь Василий III, благоволил Колычеву.

Житие святого Филиппа говорит о его отце в самых общих словах, как о знатном и благочестивом советнике Василия III, «… украшенном многими добродетелями, исполненным ратного духа, большом знатоке Божественных заповедей и государевых законов (исправлений)».

Мать будущего митрополита звали Варварой, и в конце жизни она постриглась в монахини, приняв имя Варсонофия. Автор Жития ласково именует ее «многоцветущей и плодовитой лозой». Что ж, детьми эту женщину Бог и впрямь не обидел. В популярной литературе ее называют «набожной женщиной», опираясь на сам факт принятия ею иноческого сана. Но постриг может объясняться совершенно иначе: после смерти мужа и ухода старшего сына Федора в монахи ей не на кого была опереться, и монастырь оказался наилучшим исходом. Уход в монашество после кончины супруга было обычным делом среди русских женщин старомосковской эпохи.

О семейном быте четы Колычевых Житие сообщает в нескольких строках: супруги соблюдали закон Божий и Заповеди евангельские, жили в достатке, много жертвовали «сирым и убогим», были глубоко верующими людьми и любили друг друга. Вот и всё.

Помимо Федора, у Степана Ивановича было еще трое сыновей: Прокофий, Яков и Борис. Все четверо числились в новгородских помещиках. Из них первые три сына ушли из жизни бездетными. Быть может, Прокофий и Яков умерли рано – на государевой службе их не видно, во всяком случае, заметного положения они не добились.

Изо всех продолжил род только Борис. Вообще, Борис Степанович Лобанов-Колычев, в отличие от отца и старшего брата, пошел по традиционному пути служилых аристократов. Это был военный человек, к зрелым годам выслуживший воеводские назначения. Он был таков, каким предстояло стать Федору Колычеву и каким он никогда не станет. Младший сын в каком-то смысле заменил старшего, прожил его жизнь…

Между 1559 и 1561 годами его биография пресеклась. Как – неизвестно.

В 1561 году Филипп вписал в заупокойный помянник Соловецкого монастыря имена своего отца Степана, матери, инокини Варсонофии, и брата Бориса. Как судьба обошлась с двумя его другими братьями – Прокофием и Яковом, – остается только гадать. Возможно, к тому времени они все еще были живы, но с той же вероятностью могли умереть намного раньше, еще в юности, и потому не попали в соловецкий помянник{ По сообщению писателя-краеведа Романа Гацко, отец и мать святителя похоронены в селе Ворсино-Колычево под Подольском.}.

Огромное, разветвленное семейство Колычевых в XVI столетии процветало на службе. А если сложить воедино все поместья и вотчины, которыми владели его представители, то

получится территория небольшой европейской страны. Биографии Степана и его сына Федора выпадают из общей судьбы рода.

По роду своему Федор Степанович мог претендовать на высокие посты в армии или при дворе. Как старший из братьев, рожденный старшим из братьев предыдущего поколения, он оказался во главе всей ветви. И что же? Ни один документ ни единого раза не упоминает его на военной службе. Ни один документ не свидетельствует о том, что Федор Степанович занимал какой-то административный пост. Это необычно. Может быть, он до тридцати лет просто не успел подняться высоко? Что ж, вероятно… и всё же надо учесть одну особенность старомосковской цивилизации: юноши-дворяне начинали службу с очень раннего возраста. В пятнадцать лет они уже могли быть призваны в поход «конны, людны, оружны». Стало быть, к тридцати годам у Федора Степановича уже было за плечами полтора десятилетия службы. Никак не меньше. Так почему же он остался невидим для разрядов?

Выдвигались гипотезы, согласно которым Федор Степанович мог оказаться на службе у князей Старицких – удельной родни Василия III. Или, скажем, у Юрия Дмитровского – другого удельного князя. Документы, где записывались службы при удельных дворах, не дошли до наших дней, так что проверить это предположение невозможно. Оно и по сути неправдоподобно: если Степан Колычев служил Василию III, зачем ему было определять сына-первенца ко двору удельного князя? Ведь служба при удельном дворе по определению «честью ниже», чем служба при великокняжеском. Что же он, не хотел добра крови и плоти своей? Но и отвергнуть эту идею напрочь тоже нет оснований. Кое-кто из родни Федора Степановича служил тогда у Старицких…

К тридцати годам Федор Степанович мог уйти в монахи, поскольку не был женат. Ясно только одно: у него не было супруги в тот момент. Но была ли она раньше? Прийти к тридцатилетнему рубежу, не отведав брака, – крайне необычный выверт в судьбе знатного мужчины XVI века. Одно из двух: либо до принятия пострига будущий митрополит все-таки был женат, но его супруга рано умерла, не подарив ему детей (а генеалогические памятники говорят о его бездетности); либо он с юных лет подумывал о судьбе инока и потому сознательно уклонялся от брачных уз, а отец не стал его неволить. Если верно второе, то Степана Ивановича надо считать человеком большой мудрости и удивительной мягкости: он согласился с нежеланием

сына-первенца продолжать род, хотя это шло вразрез с обычаями служилой аристократии.

Житие говорит о юных годах Федора Колычева следующее: он сторонился «пустошных игр», любимых другими детьми, предпочитая им «книжное учение». Родители приохотили его к «художной хитрости – Божественному писанию», и мальчик полюбил читать. Степан и Варвара Колычевы ласкали сына и баловали его.

В декабре 1533 года скончался великий князь Василий III. Тогда Федору Степановичу было почти 27 лет. В 1537 году некоторые представители семейства приняли участие в мятеже удельного князя Андрея Старицкого и после его подавления жестоко пострадали. В светской исторической литературе укрепилось мнение, согласно которому позор и унижение рода, а может быть, и прямая опасность для самого Федора Степановича, стали главной причиной, подвигнувшей его бросить мир и обратиться в инока. Церковные писатели, используя иные слова, говорят примерно о том же: молодой мужчина испытал, каковы слава и богатство, а затем на примере близких людей увидел, как тленны они, сколь быстро они отымаются; это привело его к душевному кризису, из которого он вышел монахом. Подобное мнение высказал еще в середине XIX века Преосвященный Леонид (Краснопевков), епископ Дмитровский.

Но… вот беда: никто не знает, оказал ли действительно мятеж Старицкого, а потом и его разгром столь сильное воздействие на личность Федора Колычева. Ни один источник не говорит об этом прямо.

Действительно, по горячим следам проводилось расследование. Бояр Андрея Старицкого осрамили торговой казнью и бросили в темницу. Новгородцев, перешедших в лагерь князя Андрея Старицкого, предали смерти. Среди сторонников мятежного князя отыскалась целая гроздь Колычевых, и с ними распорядились сурово. Прежде всего, торговая казнь{ Проще говоря, он отведал кнута.} обрушилась на Ивана Ивановича Колычева-Лобанова, основателя ветви Умных. А он приходился дядей Федору Степановичу. Во главе новгородских помещиков, пришедших на помощь Андрею Старицкому, стояли Андрей Иванович Колычев-Пупков и Гаврила Владимирович Колычев, а с ними еще три десятка дворян пониже рангом. Оба приходились Федору Степановичу родней, хотя не столь близкой, как Умной. Они закончили жизнь страшно. Их били кнутом, а потом повесили, расставив виселицы по дороге от Москвы до Новгорода. Из их тел сделали предупреждение всем тем, кто мог еще осмелиться на бунт против вдовствующей великой княгини…

Как должен был относиться Федор Степанович к этим событиям? Естественно предполагать, что он скорбел о казненных родственниках, жалел дядю, терзался, видя, какое пятно легло на честь всего семейства. Тень мятежа легла, как станут говорить в XX столетии, на «членов семьи». А это, помимо нравственного унижения, грозило серьезными материальными потерями. Тех, кто оказался подозреваемым в склонности к мятежу и, тем более, в прямой связи с заговорщиками, могли запросто лишить вотчин и поместий, отправить в ссылку, а главное, отобрать выслуженные чины. Испытав подобный удар, знатный род мог надолго уйти в тень, «захудать», потерять высокий статус. Так, например, на протяжении большей части XVI столетия князья Пожарские, высокородные Рюриковичи, не вылезали из опал и никак не могли подняться к высоким чинам… Поэтому все семейство – виновные и невиновные в мятежных деяниях – должно было трепетать в предчувствии больших бед. Нет никаких сведений об участии Федора Степановича в мятеже князя Старицкого. Так же, как и том, что он в чем-то был ущемлен после подавления бунта. Но как «члену семьи» ему было чего бояться.

Преосвященный Леонид в своем прекрасном труде о святом Филиппе рисует образ молодого мужчины, обреченного на страшное душевное испытание: «Больно было Феодору несчастие кровных, позор фамилии. Его благородному, возвышенному сердцу стало невыносимо оставаться в придворной службе, в присутствии наглого любимца, и тут-то он сожалел, может быть, что не уклонился заранее к безмятежному брегу жизни монашеской. Внутреннее состояние его было тяжело, и нужно было успокоить смятенную, взволнованную душу». Прекрасные слова! Как хочется им поверить! «Наглый любимец» – фаворит Елены Глинской, князь Иван Телепнев-Оболенский, по прозвищу Овчина, действительно, сыграл в деле князя Старицкого центральную роль. Поведение его и тесные отношение с вдовствующей великой княгиней вызывали крайнее раздражение у старомосковской служилой знати того времени. Кое-кто даже позволял себе говорить гадости о происхождении сыновей Василия III: мол, не староват ли был великий князь для такого дела? Не делит ли Овчина с ним отцовство?

В апреле 1538 года Елена Глинская умерла. Регентша отошла в мир иной задолго до того, как увядание коснулось ее тела. Она была молода, и ничто не говорит о скверном здоровье великой княгини… Может быть, не настолько уж неправдоподобны предложения, согласно которым одна из придворных «партий» нешумно «помогла» ей завершить земной путь? Впрочем, это из

области догадок. А вот уже твердо установленный факт: после кончины Елены Глинской с ненавистным фаворитом Овчиной расправились моментально. На протяжении нескольких лет он был всесильным человеком, но сразу после того, как исчезла поддержка государыни, любимец ее сделался мертвецом.

Это лишний раз доказывает, сколь дурно относились в аристократической среде к правительнице, сколь непопулярна была она на протяжении пяти лет владычества… И, в конечном итоге, с какой неприязнью служили ей.

Таким образом, вроде бы и с духовной точки зрения, и с точки зрения политической есть основания предполагать, что дело о мятеже князя Андрея Ивановича прямо повлияло на выбор молодым Федором Колычевым иноческой жизни. Очень похоже. Да.

Но нельзя забывать одно простое правило: после того – не значит вследствие того. После 1537 года Федор Степанович Колычев оказывается монахом Филиппом. Однако нет прямых и точных подтверждений тому, что он стал иноком вследствие событий 1537 года.

Более того, существует несколько серьезных доводов, работающих против этой схемы.

Во-первых, Житие ни слова не говорит о каких-то страданиях дворянина в связи с участием родни в мятежных делах. Там вообще не упоминается бунтовская история, в которой замешаны были Колычевы. Ни летописи, ни послания самого Филиппа, ни какие-либо иные документы не дают даже намека на связь между событиями 1537 года и постригом Федора Степановича в монахи. Эта связь установлена гипотетически, не более того.

Во-вторых, на протяжении нескольких десятилетий семейство Колычевых проявляло необыкновенную живучесть и, если угодно, непотопляемость! Положение его при дворе отнюдь не рухнуло в одночасье из-за «дела Старицких». Колычевы сохраняли высокое положение при дворе все годы правления Ивана Васильевича, да и после его смерти. Положение любого рода при дворе в значительной степени было результатом бойцовых качеств его представителей. Трудно было пробиться в «высшую лигу» власти, однако еще труднее остаться там надолго. Временщики приходили и уходили, но несколько десятков семейств постоянно сохраняли в своих руках бразды правления страной, разделяя их только с монархом. Колычевы были именно среди этих семейств, и они умели грызться за свое высокое положение, умели отстаивать его. Они научились использовать все возможности, чтобы удержаться на вершине. Поэтому все сказанное выше о «предчувствии больших бед» может быть повернуто другим

боком: кто готов бороться за себя, тот вылезет из тяжкой опалы. Потребны только воля, связи и уверенность в собственных силах. Федор Степанович, допустим, мог опасаться крупных неприятностей в связи с мятежом князя Андрея Старицкого; но в такой же степени он мог испытывать надежду на то, что эти неприятности он переживет, выкарабкается. А не он сам – так более удачливая родня, которая не даст пропасть окончательно.

На основе чего установлена связь между постригом Федора Колычева и бунтом князя Андрея Ивановича? Только на основе сопоставления чисел: Федор Степанович Колычев обернулся монастырским послушником, когда ему было тридцать лет, а тридцать лет ему сравнялось в начале 1537 года, за несколько месяцев до московско-старицкого конфликта. Как об этом говорится в Житии? «Егда же приспе в совершеньство мужа в тридесят лет возраста своего…» Но могло быть и самое простое совпадение, никак не связанное с политическими бурями смутной эпохи.

Итак, связь между уходом Федора Степановича в иночество и мятежом Андрея Старицкого должна быть поставлена под серьезное сомнение.

Само Житие пишет об окончательном решении молодого Колычева пойти в монахи совершенно иначе. Однажды он стоял на литургии, слушал иерея, читавшего Евангелие, и в сердце его неожиданно запали слова: *Немощно убо человеку единем оком на землю зрети, а другим – на небо, ни двема господинома работати: любо единаго возлюбит, а другога возненавидит; или единаго держится, а о друзем же нерадети начнет.* В другой редакции Жития все это звучит значительно проще: там цитирование евангельского чтения останавливается на слове «работати».

Именно с того времени Федор Степанович принялся «усердно размышлять» о своей жизни, а вслед за тем начал искать иной участи.

Но что значит это место в Священном Писании? Более всего оно похоже на пересказ Нагорной проповеди Иисуса Христа в Евангелии от Матфея. Для того, чтобы увидеть смысл цитаты, понятный любому книжнику XVI столетия, стоит привести это место из Евангелия полностью: *Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то всё тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то всё тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, – тьма, то какова же тьма? Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что*

пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело – одежды? (Мф. 6, 22–25). Как указал еще Преосвященный Леонид, чтение Евангелия на 18-е зачало от Матфея происходит в воскресенье, на второй неделе по Пятидесятнице{ Для 1537 года этот день приходится на 3 июня.}. Впрочем, это могли быть и слова проповеди, где высказывание преподобного аввы Исаии: «Как нельзя одним глазом смотреть на небо, а другим – на землю, так и уму нельзя пещись и о Божием, и о мирском. Что не будет помощно тебе, когда выйдешь из тела, о том стыдно тебе пещись», – священник использовал в качестве толкования на Евангелие.

Эти слова расшифровывают внутреннее борение, происходившее внутри молодого Колычева. Не мятеж, как видно, подвигнул его к иноческому пути, а долго вызревавшая нелюбовь к обязанностям царедворца, к участию в той самой «грызне» за чины и доходы. Таким образом, не стоит искать внешних событий, так или иначе влиявших на личность будущего митрополита. Ведущую роль сыграли глубинные психологические процессы, душевные движения, шедшие долго – все те годы, пока формировалась личность молодого мужчины. На него повлияла вся совокупность впечатлений, полученных им за многие годы, продуманных, прочувствованных, обращенных в строительный материал для возведения собственных предпочтений.

Вторая половина XV – начало XVI века подарили нашему народу множество прославленных подвижников. Пылало благодатное пламя воспоминаний о Корнилии Комельском и Александре Ошевенском, о Пафнутии Боровском и Михаиле Клопском, о Зосиме, Германе и Савватии Соловецких, о Ниле Сорском, об Иосифе Волоцком, о яростном Геннадии Новгородском. О них знал, об их участи мечтал молодой Колычев. Преподобного Иосифа он в детские годы мог видеть. В годы молодости Федора Степановича совершали монашеские подвиги Александр Свирский, Антоний Сийский и Нил Столобенский. В 1518 году в Москву приехал великий книжник Максим Грек – некоторые полагают, что Федор Степанович встречался с ним. Это весьма возможно; во всяком случае, его труды молодой Колычев мог читать. В 20-х годах на митрополии пребывал книжник-иосифлянин Даниил – противоречивая личность, но, во всяком случае, один из ученейших людей своего времени.

А за их спинами источала сияние фигура духовного богатыря – преподобного Сергия Радонежского, окруженная целой дружиною его учеников.

Какие еще причины требовались русскому человеку того времени, чтобы уйти в монастырь, помимо блистательного примера этих людей, их самоотверженного иноческого делания? Нужно ли приплетать обстоятельства жизни одного мятежного князя, чтобы понять причины пострига еще одной личности, которой суждено было стать новым светильником нашего духовенства? До возмужания молодого Колычева и при его тридцатилетии в России жили великие иноки, слава о них прокатывалась по стране из конца в конец. Одно это дает достаточный повод для выбора монашеской рясы вместо кольчуги и шлема.

Если вернуться к словам, услышанным Федором Степановичем в храме, во время богослужения, и представить себе, как мог воспринять их молодой Колычев, станет ясна тревога, ожегшая ему сердце. Как совместить в одной душе два идеала: ценности дерзновенного иночества, взыскующего сокровищ небесных, и потуги служилой аристократии, пытающейся в годы нестроения приобрести от близости ко двору блага земные – земельку, чины, влияние на дела? Естественно, ослабление идеала честной службы производило тяжелое впечатление на Федора Степановича. Будущие его деяния покажут: по характеру своему он был прям и не терпел искажений истины. Трудно же ему приходилось с этой прямотой в мутные годы интриг и свар! Каково было ставить в нерасторжимую близость твердо усвоенные приоритеты доброго христианина и всё это?! Натура более гибкая нашла бы возможность компромисса, договорилась бы как-нибудь с собственной душой. Но на будущего митрополита глядели отовсюду лики святых, немо укоряя: «Отчего ты служишь мамоне? Служи Христу!» И этому укору он хотел бы подчиниться, ибо так выходило честнее.

Богомольный человек, с юности книжный, влюбленный в слово духовное, Федор Колычев предрасположен был к иночеству. Раздвоение между службой и мечтами о рясе, как видно, давно тяготило его. Не хватало явного знака; ударившись духом о евангельские слова про служение «двум господам», он и воспринял их как знак, поданный свыше.

Так свершился его выбор.

Соловки

Итак, во второй половине 30-х годов Федор Степанович Колычев превратился в инока Филиппа, на всю жизнь связав себя с монашеским бытом. Житие говорит о том, что он пустился в путь на север, заранее поставив себе целью добраться до Соловецкого монастыря. Зная о монашеских подвигах Зосимы и Савватия Соловецких, он имел представление и о жизни ими основанной обители, «…еже бе во удалении от людей в северной стране, край вселенныя, во окиянстей пучине». Ему было известно о том, что на благословенные острова в Белом море «…многие… с верою притекают на исправление своим единородным и безсмертным душам не токмо иноки, но и мирские людие».

Итак, молодой Колычев решил постричься в одной из самых дальних обителей, притом живущей в исключительно трудных условиях. Между тем из трех основателей Соловецкого монастыря двое – святые Савватий и Зосима – будут канонизированы лишь в 1547 году, а третий – святой Герман – только в XVII столетии. Великую славу обитель получит как раз в ту пору, когда игуменом станет человек, пока бредущий бесконечными дорогами на север…

Однако уже в ту пору монастырь на островах пользовался доброй славой. Первые паломники посетили его при игуменстве Зосимы, умершего еще в 1478 году. На Новгородчине о Соловках знали очень хорошо, тамошний владыка Макарий покровительствовал соловецким инокам, а Федор Степанович и многие его родичи как раз являлись новгородскими помещиками. Но в какой-то степени знакомы были Соловки и москвичам.

Во-первых, почитание Зосимы и Савватия началось гораздо раньше их общероссийской канонизации, и в русской монашеской среде они были известны задолго до того.

Во-вторых, в конце 70-х годов XV века Новгородскую область присоединил к своим владениям государь московский. За десяток лет до падения Новгорода, в 1468 году, монастырь получил от новгородского правительства в вотчину весь архипелаг. Теперь государь Иван III, завоеватель Новгорода, должен был определить статус этих владений. 7 февраля 1479 года в Москве была подписана грамота, где игумена и братию жаловали: «…ведают те островы и пожни, и тони, и лешие озера, и страдомую землю по старине те игумен и старци, которые учнут служити в том манастыре у церкви Святого Спаса, и у Пречистые Успенья, и у святого Николы». Теперь братия не владела архипелагом, а «ведала» его и за пользование им обязывалась служить в роли

государевых богомольцев. Таким образом, Соловки превратились в великокняжескую обитель. А к таким монастырям Москва относилась с повышенным вниманием.

В столице России и в Новгороде Великом репутация соловецких иноков стояла тогда высоко. Следовательно, нет ничего необычного в том, что Федор Степанович среди множества знаменитых монастырей Руси выбрал именно этот, относительно молодой. И не только выбрал, но и отправился туда пешком.

Житие сообщает, что родня Федора Степановича разыскивала его повсюду. Как видно, его уход стал для семейства Колычевых полной неожиданностью. «Беглеца» найти не удалось, а вестей о себе он долгое время не отправлял – покуда не укоренился на Соловках. Его даже оплакали, будто мертвеца… Так что все приведенные выше соображения о репутации Соловецкого монастыря совершенно равноправны с гораздо более прозаическим обстоятельством: Колычев-младший стремился туда, где его не найдут, а если найдут, то вряд ли выцарапают. Родители могли настоять на возвращении первенца, и это поставило бы крест на его послушничестве. Но… в конечном итоге Соловки оказались достаточно отдаленным местом.

Однако до прибытия на острова ему еще предстояла долгая и трудная дорога через всю Новгородчину, а затем по Белому морю. Федор Степанович отправился налегке, не взяв с собой ни денег, ни сменной одежды, ни даже походного мешка. По выражению Жития, «верою токмо и добродетельми обогащься». Для человека, привыкшего к достатку, к слугам, к богатому столу, это серьезное испытание.

Как видно, оказавшись в северных областях Новгородской земли, молодой Колычев изнемог. У него не было ни сил, ни средств, чтобы добраться до Соловков, и лишь предельное напряжение воли заставляло его продолжать движение. Однако у Онежского озера он все-таки вынужден был остановиться.

Ему посчастливилось найти доброго человека, давшего жилье и работу. Им стал некий Сидор (Исидор) Субота, житель прионежской деревни Кижа, или Марковская. Землеописания XVI века полностью подтверждают это сообщение Жития. Действительно, у северного побережья Онежского озера стоял Спасский, погост в Кижах. Еще в 1560-х годах там жил черносошный крестьянин Сидорка Степанов, по прозвищу Субота. Очевидно, именно он приютил измученного Колычева.

Субота доверил своему тезке по отчеству пасти овец. И Федор Степанович не погнушался принять от своего тезки по отчеству столь простую работу, работу бедняка. Там, в Москве, знатный человек Федор Колычев, быть может, и не заметил бы скромного

крестьянина с севера. Здесь, у Онеги, этот крестьянин играет роль сущего благодетеля, вероятно, спасшего исхудалого странника от голодной смерти. Будущий митрополит принял новый для себя труд со смирением. Таков был первый большой урок его монашеского пути: он поклонился человеку низкого звания, и через простого крестьянина Бог дал ему хлеб насущный. Надо ли добавлять, что Федору Степановичу, привыкшему жить на всем готовом, прежде следовало побороть дворянскую гордыню, а уж потом он набрался нравственных сил и отвесил низкий поклон простолюдину?

Неизвестно, как долго пастушествовал на Онежском озере молодой Колычев. Преосвященный Леонид считает, что он начал свое путешествие на север в июне, а закончил его на Соловках не позднее октября 1537 года, поскольку в дальнейшем погодные условия просто не позволили бы переправиться на острова. Таким образом, на все путешествие ушло около четырех месяцев. Сколько же он провел в пастухах у Сидора Суботы? Если судить по этим подсчетам, выйдет всего ничего: даже несколько недель… Закрадывается сомнение: а обратил бы составитель Жития внимание на столь незначительный эпизод в жизни святого Филиппа? Впрочем, может быть, и обратил бы – из-за красивой аналогии между ролью пастуха, каковую играл Федор Степанович Колычев, и ролью пастыря, каковую сыграет митрополит Филипп.

Но возможен и другой вариант: в 1537 году он просто не попал на Соловки. Да и способен ли столь неопытный странник, как Федор Степанович Колычев, да еще безо всяких запасов, пересечь страну в указанный срок, поработав между делом у зажиточного крестьянина…

Поднабравшись сил и, возможно, получив деньги на уплату переправы по морю, Федор Степанович добрался, наконец, до цели своего странствия. Но в каком году это произошло – в 1537-м или 1538-м, определить невозможно.

Чем встретили долгожданные острова бывшего аристократа, до смерти уставшего от бесконечного путешествия и горького нищенства?

В 30-х годах XVI столетия Соловецкая обитель ничем – в самом буквальном смысле! – не напоминала современный архитектурный комплекс, величественный и прекрасный. Более того, есть все основания предполагать, что Федор Степанович, сойдя на берег, увидел груду головешек и выкопанные наспех землянки – недавно обитель пострадала от большого пожара.

А увидев, – счастливо улыбнулся. Какое ему дело – каменные палаты, добротные избы, землянки, пещера или дупло в старом дубе! Новому Колычеву было абсолютно всё равно, в каких

условиях жить. Он прибыл куда хотел. Он был доволен. Вторая жизнь дышала прохладным ветерком в прорехи на изношенной одежде. Странник зябко поводил плечами.

Здесь ему предстояло провести три десятилетия.

Первые монахи – преподобные Савватий и Герман – появились на островах за столетие до того, в 20-х годах XV века. Святой Савватий принадлежал духовной школе преподобного Кирилла Белозерского, его присутствие у истоков обители протянуло нить между беломорскими «незнаемыми» местами и высокой иноческой культурой коренной Руси.

В непролазной чаще выросли келейки, поднялся деревянный крест. Озера давали пресную воду, леса – ягоды и коренья, море кормило рыбой. Хлеба тут при первых монахах просто не было, да и позднее с зерном бывали перебои. Огородничество на Соловках получило широкое распространение, но попытки завести пашню, посеять хлеб не привели к успеху. Пашню быстро забрасывали из-за того, что хлеб не вызревал. А вот рыбы – всегда вдоволь. Да и скотину разводили – в основном ради молока и шерсти. Еще били нерпу и выделывали нерпичью кожу… С поздней осени до середины весны архипелаг отделен от материка подвижными льдами; трещат морозы, снега наметает во множестве. До Кеми, где располагается ближайшая гавань, около 60 верст. Летом насельников одолевает злой соловецкий комар. Ветры вечно стоят над островами, словно десница Господня крутит ручку машины, испускающей воздушные потоки…

Бедность обители долгое время не позволяла строить каменные сооружения. До 50-х годов XVI века их, видимо, вообще не было на островах. Так что Федор Степанович застал нестройную толпу бревенчатых келий, сгрудившихся у трех деревянных церковок и окруженных невысоким деревянным тыном. Между тем братии в ту пору набиралось до ста человек или чуть менее. А это уже солидное число, даже для Центральной России – много.

Выше говорилось, что Колычев-младший мог увидеть на месте обители наскоро вырытые землянки да головешки. Это очень и очень возможно. Местный летописец сообщает: «В лето 7046. В вечер глубок погори монастырь Соловецкой весь до основания».

«В лето 7046» – означает: с сентября 1537-го по август 1538 года. Другой летописец уточняет: 1 мая 1538 года. Если взыскующий монашеской жизни дворянин не увидел бедствующих погорельцев сразу, то уж точно увидит их очень скоро. К тому же пожарное разорение обители затянулось надолго: строевой лес был редкостью на архипелаге, так что его

не хватало даже на возобновление келий; приходилось доставлять бревна с материка. Так или иначе, великий пожар Соловецкий не поколебал решимости странника остаться на островах. Это показывает серьезность намерений и твердость воли будущего митрополита.

В 1468 году новгородские власти даровали небольшой монашеской общине всю землю Соловецкого архипелага. Но братия, хоть и была по внешней видимости богатым землевладельцем, располагала лишь дикими, скудно населенными территориями. А потому жила бедно, много трудилась, и никто не смел воротить нос от простой черной работы.

Как пишет современный историк, «…чтобы выжить на диком острове, соловецкой братии приходилось много трудиться “ручным делом”: копать землю, валить лес, “сечь” дрова, варить из морской воды соль, ловить рыбу, ходить на небольших судах по бурному и опасному морю, молоть привезенное с материка зерно… печь просфоры и хлеб. Продиктованный суровой необходимостью, этот постоянный и напряженный телесный труд со временем превратился в яркую черту духовной жизни на Соловках, станет восприниматься иноками как один из аскетических подвигов – наряду с молитвой и постом».

Необходимость «ручного дела» в значительных объемах для каждого инока к 30-м годам XVI века никуда не делась, и Федору Степановичу предстояло познакомиться с ней самым тесным образом.

Федор Степанович Колычев долгое время был простым послушником. Игумен Алексий (Юренев) поставил его на общие работы, наряду иными послушниками, никак не выделяя из их числа.

Житие передает этот период его судьбы в нескольких емких фразах: «И тружаяся со всяким усердием… и многие скорби и труды подьял, словно раб, которому не суждено быть выкупленным». Он проявил покорность воле настоятеля, жил любовно и смиренно в отношении остальной братии. Отпрыску боярского рода пришлось рубить дрова, копать землю, переносить камни, трудиться на мельнице, выходить в море на ловлю рыбы… От суровых условий соловецкого быта молодой Колычев одно время хворал: у него появился нарыв на плече. Но здоровый организм профессионального воина с болезнью справился.

Понимал ли настоятель соловецкий, кого Бог привел к нему в послушники? Понимал ли, какого полета птица залетела на Соловки? По всей видимости, Федор Степанович не торопился открывать свое происхождение. Ему всё еще грозило быть

вырванным из монашеской среды по настоянию родни. Но даже если он и открыл игумену Алексию тайну своего происхождения, тот ни в чем не делал для него исключений.

Наконец послушнику Федору позволили принять постриг. И более не стало Федора Степановича Колычева. Он умер. Ибо монах для мира – живой мертвец. Вместо него в 1539-м или же в самом начале 1540 года появился инок Филипп.

Наставничество над новопостриженным иноком игумен Алексий отдал «…монастырскому духовну{ Очевидно, духовнику.} и знаменоносцу старцу священноиноку Ионе, зовомому Шамше (Шамину. – *Д.В.*)». Иеромонах Иона Шамин был одним из светочей обители, вторым человеком после самого настоятеля, уставщиком братии. Он назван в Житии «сопричастником» преподобному Александру Свирскому, одному из величайших учителей русского монашества в XVI столетии. Александр Свирский скончался в 1533 году, его выученик должен был помнить всю ту науку монашеского делания, которую преподал ему блистательный учитель. Через него к «новоуку» в монашестве протянулась нить от знаменитого подвижника. Как свидетельствует житие св. Александра Свирского, основателя Троицкой обители под Олонцом, ему являлась Богородица, а также Пресвятая Троица в виде трех ангелов – как в библейские времена праотцу Аврааму. Наставничество свирского подвижника вывело к духовным подвигам нескольких святых, основателей монастырей. Иона Шамин не столь известен, как, например, преподобные Адриан Андрусовский, Афанасий Сяндомский или Макарий Оредежский, но школу он проходил ту же самую. Соловецкая община сохранила старинное предание, согласно которому Иона Шамин удостоился чудесного посещения Соловецких чудотворцев.

Таким образом, Филипп получил очень хорошего наставника, обладавшего бесценным духовным опытом.

Иона Шамин взялся за молодого монаха основательно. Под его духовным водительством Филиппу пришлось пройти исключительно трудный путь. Наставник учил его благочинию и смирению. Так, чтобы он запомнил до самой смерти главное правило иноческого быта: дни надо проводить в трудах и постах, а ночи – без сна, в молитве…

Именно этих благ искал когда-то Федор Степанович Колычев. И получил их теперь сполна. Строгость наставническая – норма для начинающего инока. Но для Филиппа это была еще и желанная норма. Очевидно, он имел склонность к тому, что другим давалось с большим трудом.

Прежде всех духовных усилий на Филиппа сваливаются тяжкие физические труды – горше прежних, которыми нагружал его игумен Алексий в послушничестве. Соловецкая обитель для абсолютного большинства монахов оборачивалось той стороной, которая очень далека от идеального скитского жительства, описанного в трудах преподобного Нила Сорского. Там главным делом инока показан труд молитвенный. А нормальным делом для соловецкой братии был иной труд, его современный мирянин иначе как только каторжным не назовет. Между тем и молитвенником всякому островному монаху следовало быть неустанным.

Иными словами, рукам Филиппа и хребту его вновь досталось полной мерой… На протяжении нескольких лет он работает в поварне, потом его направляют в «пекольню» (пекарню). Инок таскает воду, тягает дрова, топит печи. Именно ко времени послушания Филиппа по соседству с хлебопеками относится одно монастырское предание, глубоко укоренившееся в среде соловецкого монашества. Старинная история, вошедшая во многие церковные издания, сообщает о том, как инок Филипп обрел за печью чудотворный образ Божией Матери; икона хранилась в обители под именем Богородицы Хлебенной, или Запечной, но в советское время исчезла{ В настоящее время известно несколько почитаемых списков с этой иконы. Один из них был обретен чудесным образом, под артобстрелом, жительницей блокадного Ленинграда.}. Однако Житие ничего не рассказывает об обретении Богородичного образа, а монастырское предание было записано в позднее время; Бог весть, сколько в нем правды.

Молитвенник из Филиппа тоже вышел изрядный. Житие хвалит его за искусство в «соборном пении».

Братия проявляла к нему самые добрые чувства: «…бысть всеми любим и почитаем, и хвалим». Очевидно, инок Филипп заработал в общине высокий духовный авторитет. Только тогда, по прошествии нескольких лет после прибытия на Соловки, он взялся за первый монашеский подвиг.

Филипп проявлял склонность к молчальничеству. Однажды он решил, что суровой жизни в стенах обители ему еще мало; он освоил всё, чему мог обучить Иона Шамин; теперь он желал испытать свои силы на ином пробном камне.

Тогда он уходит от братии, чтобы поселиться в лесу, на расстоянии нескольких верст восточнее монастыря. Здесь, в одиночестве, в полном молчании, Филипп ведет «крайне жестокое житие», изнуряя себя всенощными молитвенными стояниями. Вместо подушки он использует камень.

В наши дни участок леса, где четыре с половиной столетия назад подвизался инок Филипп, именуют Филипповой пустынью, или, иначе, Иисусовой пустынью. Основанная в XVI веке, она до нынешних дней особо почитается на Соловках как место молитвенного уединения. Правда, от деревянной келейки инока Филиппа ничего не осталось.

По воззрению, распространенному в иноческой среде, тот, у кого лежит душа к особенным подвигам, привлекает особенное внимание сил враждебных, нечистых. К нему подступают бесы, приходится держать духовную оборону от их нападок со всех сторон. Сложно тут не соблазниться, не впасть в прелесть. Истинный по движник, особенно пустынник, – большая редкость в иноческой среде. Причем не только сейчас, но и в древности.

Филипп явно удалился на длительный срок не без благословения, всё выдержал и вернулся в «киновию», завоевав всеобщее уважение. Теперь за ним признавалось право высказывать суждения по важным предметам иноческой жизни, и к словам его прислушивались. Вскоре настоятель сделал Филиппа своим «споспешником», иначе говоря, помощником, доверенным лицом. Вероятно, после возвращения из лесной кельи Филипп поднялся на высшую ступень монашества: принял великую схиму. В дальнейшем Житие именует его старцем.

Соловецкая братия видела в Ионе Шамине Божий дар пророчества. Одно из его пророчеств касалось ученика. Всмотревшись в Филиппа духовным взором, Иона Шамин сказал: «Он будет настоятель во святой обители сей».

Так и вышло.

Соловецкий настоятель Алексий постепенно изнемогал под грузом лет и нездоровья. Ему всё труднее было справляться с многочисленными обязанностями главы большого монастыря. Он надеялся передать игуменский сан Филиппу, прекрасно показавшему себя в «начальных службах», уважаемому братией, прожившему в обители девять лет. А передав, до скончания века жить «особно», отдыхая от трудов.

Но для Филиппа настоятельская власть представлялась остро нежеланной. Создались обстоятельства, крайне неприятные для обоих.

Алексий, как сообщает Житие, «благословляет и молит» Филиппа «на свое место игуменом». Слово «молит» в данном случае надо понимать как «умоляет», то есть настаивает и упрашивает Филиппа принять сан против его собственного желания.

Тот отказывается. И, видимо, проявляет большую твердость.

Тогда игумен собирает всю братию и обращается к ней с вопросом: «Меня старость к земле клонит и мучают недуги, так скажите же, кого хотите видеть в настоятелях после меня? Кто будет благоуправно окормлять вас, когда я уйду?» Ни у кого не возникает мнения, что есть более достойный преемник Алексию, чем инок Филипп. Его хвалят за большой разум, духовные знания, способность к наставничеству. Алексий пожимает плечами: «Как мне с вами не согласиться? Думаю о том же». Он рассказывает всей общине о нежелании Филиппа принять власть над обителью и просит монахов обратиться к нему всем миром. «Потом же и вся о Христе братия молят его, дабы повинулся игуменскому благословению и не презрел моления их, еже правити святое место и пещися о спасении братства. Видяху бо его вси всеми добродетельми украшена и могущи спасти словесныя овца. Он же отрицашася такого начинания».

Инок Филипп упорно отвечал всем: «Я недостоин».

Тогда игумен приступил к нему с суровыми словами и повелел принять сан под угрозой наказания. Филипп вынужден был согласиться.

Откуда столь упорное сопротивление?

Явно, дело не только в скромности Филиппа. И даже не только в том, что он с большими усилиями переделал себя, обратился из блестящего дворянина в аскета, молчальника, образцового монаха. Конечно, совмещать игуменские обязанности с тем способом жизни, который он избрал себе, невозможно. От внутренней сосредоточенности, от концентрации на молитве и богомыслии придется надолго отказываться, чтобы блюсти жизнь всей братии. Но… только ли такова причина? Филипп – инок, солдат духовной армии. Ему начальник его, настоятель, велит принять игуменство. Так, изложив резоны своего нежелания и все-таки услышав повторный приказ, уместно повиноваться. Прочее же выходит за пределы нормы монашеской жизни.

Филиппа признавали пригодным для наставничества. Если так, то он уже давал примеры подобного рода деятельности, – братии было по чему судить. Но тут Филипп отрекается от роли наставника, отрекается с необыкновенным упрямством. Для его согласия требовалось прошение всей братии и угроза игумена.

Как видно, дело в том, что сам Филипп уже задумывался об игуменстве на Соловках. Примерил на себя новые тяготы и увидел ясные резоны для отказа. Для твердого отказа. Какие же?

Вся последующая деятельность Филиппа на игуменском месте резко отличается от того, как управляли Соловецким монастырем его предшественники. Он, человек с опытом богатого помещика, управлявшегося с большим хозяйством, видел

возможность и благость перемен, какие требовалось произвести в обители. Видел также масштаб необходимых нововведений. Знал, что способен справиться с этой работой.

Но столь же хорошо понимал, с каким противодействием придется ему столкнуться.

Соловецкая братия привыкла к определенному образу жизни. Хорош он или плох, хороши ли перемены, дурны ли, а привычка производит давящее действие на умы людей. Филипп мечтал сломать старый тихий уклад выживающего монастыря и превратить обитель в процветающую, обеспеченную всем необходимым, украшенную величественными храмами.

Однако братия-то не могла заглянуть ему в мысли и не знала, каких он способностей человек. Филипп, всю жизнь утверждавший дух евангельской любви, предвидел шатания среди Соловецких иноков, прозревал раздоры и сомневался: да стоило ли ради великих целей поколебать добронравный мир в общине? Не лучше ли та размеренная любовь, пронизывающая скромный быт иноков, чем новая жизнь, в основу которой ляжет непокой?

Потому и отказывался столь долго.

Добр был к другим. Себе склонялся отказать в совершении больших замыслов, лишь бы не утеснять братию.

Но в конечном итоге Филипп отступил. Покорился тому, к чему вел его Сам Господь. Дальнейшее сопротивление было бы странно и даже неприлично.

Теперь иноку Филиппу, нареченному игумену, предстояло ехать на материк для поставления в сан у архиепископа Новгородского. Братия избрала сопровождающих, казначей выдал немного серебра на расходы, и монастырский карбас, приняв группу людей в бедных рясах, со скудными харчишками в дорожных мешках, отправился в плавание на полдень. Игумен, крестя на прощание Филиппа, со вздохом напоминал: «Просите у владыки милостыньку… Хлеба нам не хватает».

Сам Алексий не решился покинуть обитель. Как видно, ему не хватало здоровья для трудного плавания и длинных пеших переходов.

В ту пору на кафедре Новгородской пребывал архиепископ Феодосий, занявший ее после ухода мудрого книжника Макария на митрополию.

Феодосий смотрел на Филиппа с недоверием. Почему не явился сам игумен? Одобрил ли он возвышение этого человека? Да и кто он таков, никому не ведомый на «большой земле» инок Филипп? Говорят, из бояр… Да бес ли его лукавый видел, из каких-таких он бояр!

Но посланцы братии, пришедшие вместе с Филиппом, подтвердили: «Владыка святый, молит тя собор Соловецкиа обители, да поставиша нам во игумены посланного с нами старца Филиппа».

Архиепископ высказал желание побеседовать с ним особо. При Феодосии Соловецкая обитель уже слыла крупной и важной. Допустить на игуменство малограмотного человека было бы неправильно. Давний предшественник Феодосия по Новгородской кафедре, архиепископ Геннадий, за несколько десятилетий до того жаловался горько: приведут к нему прихожане человека для возведения в поповский сан, а он едва бредет по Псалтыри… Как доверить такому приход? А тут не простой приход, но прославленный монастырь… нужно подходить с разбором.

Владыка расспросил о Филиппе в подробностях, но не услышал ничего худого.

Явившись на испытание, Филипп смиренно приветствовал Феодосия глубоким поклоном. Тот благословил его и усадил, а вслед за тем принялся проверять познания соловецкого выученика в Священном Писании. Филипп, человек книжный, отвечал «вся по ряду», то есть не допускал ошибок. Морщины на лбу владыки понемногу разгладились. Он понял, что соловецкая братия привела к нему достойного преемника старому Алексию.

С легкостью в сердце Феодосий поднялся из епископского кресла и велел позвать приехавших с Филиппом иноков. Когда тех привели, владыка сообщил им, что нашел присланного старца «искусна суща» в духовных знаниях и «могуща паствити словесное стадо». На глазах у ликующих посланцев соловецкой братии Феодосий совершил поставление Филиппа в сан. А закончив, обратился к монахам, которые с этой самой минуты должны были повиноваться новому игумену: «Се отец ваш! Имейте его во Христов образ! Со всяким послушанием покоряйтеся ему!»

Произошло это не позднее лета 1544 года.

После того как «посольство» к Новгородскому владыке вернулось домой, произошел странный и даже загадочный эпизод в жизни Филиппа. Как ни вчитывайся в Житие, а всё-таки нет в нем достаточного объяснения случившемуся.

Сначала всё идет так, как и предполагали Алексий с братией. Филиппа с великой честью встречают все монахи со старым настоятелем во главе. Он дает Алексию ставленую грамоту, полученную в Новгороде, и утверждается в игуменском достоинстве. Войдя в церковь, Филипп творит ектенью за государя Ивана Васильевича и произносит проповедь. Затем, отслужив литургию, Филипп причащается. Иноки Соловецкие,

принимавшие Святое Причастие из его рук, говорят друг другу, что у нового настоятеля поистине ангельское лицо…

И вдруг… происходит нечто необъяснимое. Житие не указывает, как скоро после возведения Филиппа в игуменский сан произошел этот поворот. Минуло ли несколько дней или, может быть, недель, месяцев… Непонятно.

Суть такова: «приняв старейшинство», Филипп скоро отказывается управлять братией; иными словами, он пренебрегает прямыми игуменскими обязанностями. Что за невидаль – он оставляет игуменство! А монахам велит управляться собственным разумением. Вместо него иноки возводят в настоятели старого Алексия. Тот поневоле перенимает «старейшинство», повинуясь желанию общины.

В начале 1545 года Филипп ушел из обители и поселился на том месте, где раньше предавался аскетическому деланию. Отныне в монастырь он являлся только в те поры, когда хотел причаститься.

Алексий явно не желал отпускать его. «И бысть промеж ими моления много, друг друга понужаху. И повинуся Алексий Филиппову молению», – тактичнее трудно сказать о крайне сложной ситуации. Более того, соловчанам опять пришлось посылать в Новгород за благословением архиепископа – на то, чтобы возобновилось игуменство Алексия. И Феодосий, наверное, долго не мог прийти в себя от удивления. Совсем недавно его упрашивали возвести в сан нового игумена, а тут молят вернуть старого – вот так притча!

В истории русского иночества и прежде бывали случаи, когда настоятель оставлял обитель, положив пастырский жезл. Так, сам преподобный Сергий Радонежский покинул Троицкий монастырь, увидев ревность к своей настоятельской власти и ропот на строгость устава. Впоследствии, опамятовав, его призвали назад. Вероятно, и Филиппов очередной уход в пустынножительство объясняется разладом в общине.

Надо полагать, новый игумен собрал монахов и объяснил им, какими преобразованиями хочет заняться. Сила привычки на первый раз победила: сомнения иноков, их колебания или даже прямое неприятие планов Филиппа огорчили его. Спорил ли он? Убеждал ли в своей правоте братию, обязанную «со всяким послушанием покоряться»? Кто знает?! Однако в конце концов сделал так, как диктовала его душевная склонность.

Филипп не хотел разрушать дух любви, царивший в обители. Ему легче было вновь проститься с собственными затеями, чем оказаться у истоков большой свары. Он уступил. Он ушел. И, надо полагать, жил спокойно, ничуть не надеясь на перемену ума

соловецкой братии. Напротив, скорее, радовался: ему удалось сохранить покой любви в сердце своем, не расшатать его в других людях и уберечься от власти. Теперь он жил так, как ему нравилось…

Филипп никогда, ни при каких обстоятельствах не проявлял властолюбия – даже в самых ничтожных дозах. Он трудно принимал власть и легко отказывался от нее. Пастырское бремя было ему в тягость. Водружал он его на свои плечи лишь по принуждению. Этот соблазн его не беспокоил – как видно, Филипп ясно видел природу душевной порчи, от него происходящей.

Игумен Алексий, и прежде правивший обителью, страдая от постоянного нездоровья, скончался. Лишних полтора года ему пришлось нести на своих плечах бремя власти над обителью – от удаления Филиппа в пустынь до самой смерти. Теперь, когда прежний игумен покинул мир земной, а в пределах получаса ходьбы от обители жил новый настоятель, отправлять к владыке Новгородскому посольство, чтобы тот поставил в сан еще одного, братии было крайне неудобно. К тому же, как видно, идеи Филиппа нашли немало сторонников. Поэтому после кончины Алексия иноки «…сотвориша совет благ, начаша молити Филиппа, да старейшинствует над ними и окормляет добре живот их».

Помня о старом опыте краткого игуменства, Филипп повиновался им «нехотя». Он понимал: тихая пустынническая жизнь для него кончена. Настало время засучить рукава перед большими трудами да готовиться к сопротивлению недовольных.

Быть может, Филипп в очередной раз отказался бы от начальственного положения. Но Алексий, предполагая такой шаг, незадолго до смерти призвал его к себе и благословил на игуменство. Видно, не нашел старик среди монахов Соловецких никого более подходящего на эту роль. Отказать умирающему настоятелю в исполнении последней воли или, тем паче, обмануть его – вот уж был бы великий грех!

Итак, Филипп становится настоятелем. Теперь нет ему возврата. Он честно понесет этот груз и будет выдерживать его тяжесть на протяжении двух десятилетий. Твердо известно, что в июле 1546 года он окончательно утвердился на игуменстве, а настоятель Алексий отошел в мир иной. С этого момента Филипп руководит монастырем непрерывно. Лишь летом 1566 года «хозяин Соловков» сойдет с игуменства, чтобы взойти на митрополию.

Филипп начал на Соловках грандиозное строительство,

полностью изменившее облик монастыря, его роль в жизни Русского Севера и образ жизни братии. То величие обители, та роскошь ее архитектуры, которые в наши дни привлекают на острова тысячи туристов и паломников, уходят корнями к игуменству Филиппа.

А началось всё со строительства каменного храма Успения Богородицы, возведенного взамен старого, деревянного.

Для этого весь монастырь должен был на протяжении нескольких лет предпринимать усилие, которое иначе как подвижническим назвать нельзя. Житие сообщает о сооружении Успенской церкви немногое. В 7060 (1551/1552) году, посовещавшись с братией, Филипп начал строительные работы. Игумен пригласил новгородских зодчих во главе со знатными мастерами Игнатием Салкой и Столыпой. О первом из них шла добрая слава, мол, «горазд и мудр церковному делу».

Великая «страда» длилась около пяти лет. В 1557 году Успенский храм был возведен и отделан как подобает. 15 августа Филипп освятил его. «На полатех» церкви соловецкий настоятель велел устроить особый придел, освященный в память Усекновения главы Иоанна Предтечи. К весьма значительной по размерам хоромине пристроили каменную трапезную для братии, келарскую палату (склад), большой хлебный погреб, «…и иные многие службы монастырские благостройни бяху». Здесь пекли хлеб, здесь же стояли печи, предназначенные для обогрева трапезной и самой Успенской церкви.

Многие поколения насельников Соловецкого монастыря восхищались древнейшими каменными постройками. Трапезная «об одном столпе, чюдна и светла, и превелика, величеством внутри 12 сажен». А сама Успенская церковь казалась истинным чудом в таком отдаленном от богатой коренной Руси месте, как Соловецкие острова. Составитель Жития писал о ней через много десятилетий после того, как она вознесла крест над скудными землями архипелага: «пречюдна и велика»!

Как видно, игумен основательно поразмыслил о новых хозяйственных постройках обители. Катастрофический пожар 1538 года братия восприняла одновременно как урок духовный и хозяйственный. Тогда сгорели храмы, а вместе с ними трапезная, служившая местом собрания иноков – не только для еды, но и для решения важных вопросов сообща. Превратились в пепел склады с богослужебным имуществом, одеждой, продуктами, хозяйственными припасами… Филипп знал: строительство приведет в обитель множество новых людей, привлечет и новых иноков. Он рассчитывал избавить монастырь от новой огненной беды – теперь она ударила бы по умножившимся насельникам

намного больнее, чем раньше. Строительство каменной церкви вообще стало возможным лишь с изменением всего экономического быта Соловков, и дальновидный игумен понимал неизбежность больших перемен. А потому готовил братию к новым условиям жизни. Появление огромной трапезной и значительных служебных помещений было частью большой программы экономических преобразований.

Любопытная деталь: очевидно, митрополит Макарий благоволил Соловецкой братии. Без его позволения, во всяком случае, не произошло бы причисление преподобных Зосимы и Савватия Соловецких к лику святых. Однажды он сделал монашеской общине Соловков своеобразный намек: пора бы вам, иноки, прославить место свое, благоуханный рай на зачарованных островах – возвести каменные церкви; потрудитесь! Это произошло сразу после того, как монастырь пострадал от пожара в 1538 году. Ведь именно тогда, казалось бы, создалась удобная ситуация для подобного начинания: старые церкви исчезли, так новым бы появиться уже в камне, чтобы никакое пламя не грозило их судьбе… То ли в конце 1538-го, то ли в 1539 году, будучи еще архи епископом Новгородским, Макарий отправил в Соловецкий монастырь вещь поистине драгоценную в условиях русского Средневековья – механизм для башенных часов. Это чудо механики, сработанное новгородским мастером Яковом, сохранилось до наших дней и теперь является экспонатом музея-заповедника в Коломенском. Часы владыка отправил с надеждой увидеть их когда-нибудь на каменной звоннице, а не над деревянными воротами…

Возможно, тот же Макарий выпросил у боярского правительства при малолетнем государе земельное пожалование для соловецкой братии: деревни Шижно, Сухой Наволок и Остров{ По другим сведениям, «…деревню при реке Шишне, пустошь, называемую Сухой Наволок, и острова, лежащие по обе стороны реки Выга: Дасугею и Рахново».} с соляными варницами, Никольским приходским храмом, а также угодьями, исстари «тянувшими» к этим деревням. Три года спустя монастырь с принадлежащими ему селениями освободили от суда и контроля со стороны местных властей. Владыка Новгородский превосходно знал соловецких монахов, с ними встречался, слышал немало историй о чудесно «сильной иноческой жизни», принятой у тамошней братии. И у него были все основания поддерживать Соловки да еще направлять монастырскую общину к новым духовным подвигам…

В ту пору иноки не решились на большое строительство. Земельные пожалования показались им слишком скудными для

такой затеи, доходов с них оказалось достаточно лишь для того, чтобы поднять монастырь из пепла и угольев. А макарьевские часы названы в монастырской описи 1549 года, но не ясно, к какому зданию они крепились. Во всяком случае, ни к одному из церковных… Лишь Филиппу идея Макария запала в душу.

Но Макарий не оставлял старой надежды. Найдя в Филиппе единомышленника, он помог настоятелю.

Чем владел монастырь на исходе 40-х – в начале 50-х годов XVI века?

Земельным пожалованием, о котором уже говорилось, да церковкой на реке Вирме с прилежащими землями, да двумя клочками земли на Двине и на Суми, помимо самих Соловецких островов. Чтобы было понятно, насколько «богата» была Соловецкая обитель, стоит сказать: на всех землях монастыря вне Соловков жило лишь 43 человека. Они варили соль, косили сено и мололи зерно на водяных мельницах. На Соловках монахи располагали стадом в 30 лошадей, 25 коров, небольшим «флотом» из четырех лодий и 15 карбасов (крупных лодок). Братия варила соль, ловила рыбу и опять-таки молола зерно на трех водяных мельничках… но жила всё равно впроголодь. Если бы сотня постоянно недоедающих монахов, имея крайне скромные доходы, взялась возводить столь крупный архитектурный комплекс, как Успенский храм с пристройками, это грозило бы превратиться в чудовищный долгострой. На десятилетия…

Филипп начал собирать пожертвования на строительство Успенского храма еще в 1548 году или даже 1547-м – задолго до начала работ; он и сам сделал крупный вклад, не оставшись в стороне от общего дела; вложились, помимо братии, миряне – служилая знать, крестьяне, ремесленники. Игумену удалось получить деньги от 129 человек, всего 163 рубля с мелочью. Очень крупная по тем временам сумма, но для всего цикла строительных работ ее явно не хватало. Некоторые монахи на свои средства нанимали грузчиков и строителей, но и этого оказалось недостаточно.

Требовалась поддержка извне.

Ее оказал государь Иван IV. Или, вернее, монастырь получил ее от имени царя. Скорее всего, за соловчан ходатайствовал тот же Макарий, к тому времени ставший митрополитом Московским и всея Руси. Его заботливая рука дала братии невероятно много за весьма короткий срок.

Вот список земельных пожалований Соловецкому монастырю, совершенных во второй половине 40-х – середине 50-х годов XVI столетия:

волость Колежма с церковью святого Климента;

остров на реке Сумь с тремя дворами;

деревня при устье реки Сороки (приток Выга) с храмом Святой Троицы (здесь когда-то умер преподобный Савватий Соловецкий);

Сумская волость с 26 деревнями (!!!) и Никольской церковью;

село Пузырево с Никольской церковью (Бежецкий уезд){ Пузырево получено вкладом от И.В. Полева, важно тут другое: государь не одобрял уход земли из службы к монастырям, старался ограничить этот процесс, но вкладную Полева все-таки утвердил.}.

Прибавление невероятно большое! Оно во много раз превышает всё, чем владела братия при настоятеле Алексии. К тому же обитель получает крупные земельные вклады от частных лиц да еще прикупает соляные варницы, отдельные дворы и крупные участки пахотных земель. Теперь во владениях монастыря жили многие сотни, если не тысячи людей.

В обитель были отправлены драгоценные покровы на гробницу преподобных Зосимы и Савватия. В 1551 году игумену пожаловали драгоценное богослужебное одеяние из белой камки, шитое золотом и серебром, низанное жемчугом, украшенное яхонтами. Очевидно, тогда соловецкий настоятель ездил в Москву на Стоглавый собор; впредь Филиппу велено было выдавать из государевой казны «кормовые деньги», если он прибудет в столицу по монастырским делам.

Монастырь получил также с «большой земли» огромный колокол в 173,5 пуда весом. Его отлили и доставили иждивением князя А.И. Воротынского. К нему добавилось еще несколько колоколов меньшего размера.

Как видно, Филиппу пришлось открыть свое имя, и не только братии, но также властям церковным, да и светским. Федору Степановичу Колычеву, отпрыску аристократического рода, имевшему в столице надежные связи в виде родни, пошедшей в чины, гораздо легче было получать новые и новые пожалования для обители, нежели безвестному игумену Филиппу… По-видимому, в успехе его дел сказалось не только покровительство Макария, но и помощь влиятельных родственников. Лично Филипп ничего не получил и не мог получить из этого водопада пожалований. Не для себя он старался, но только для украшения обители.

Теперь у него было на что строить. Теперь у него было чем кормить братию.

В жизни монашеской окончание строительных работ и

освящение Успенского храма были великим утешением для Филиппа. Смертельно устав после многолетних трудов, он чувствовал себя счастливым и благодарил Бога за такую милость. Дал же Господь ему переплыть бурное море от славного замысла до его исполнения! Удивительно! Иной человек дал бы себе отдохнуть от долгих усилий, умилился бы, омягчел душою. А игумен Филипп воспринял окончание столь большого дела всего лишь как предлог для того, чтобы заняться следующим. Первый шаг совершен, пора совершать второй…

Ход мыслей настоятеля Соловецкого приобрел следующее направление: в обители было три деревянных церкви; по милости Божьей, теперь деревянных две и одна каменная; так надо бы оставшиеся бревенчатые храмы упразднить, а на их месте поставить все каменные. По молитве братии один раз Господь помог, вот и будем уповать на Его помощь и впредь.

Замыслив превратить деревянный собор Соловецкой обители в каменный, Филипп решился на гораздо более масштабное предприятие, чем строительство Успенского храма с хозяйственными палатами. Он поделился этой идеей со всею общиной.

Житие в очень осторожных выражениях повествует о том, что произошло дальше: «Они же (братия. – *Д.В.*), слышавше, недоумением покровени быша, но не смеяху препяти{ Воспрепятствовать.} добраго его рачения. Тихо простирающе беседу, кротце глаголаху: “…О отче, недостатком в киновии сущее и оскудению велику… откуда имаше злато на воздвижение великия церкви?”». Братия привела игумену речение из Евангелия от Луки: *Ибо кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее, дабы, когда положит основание и не возможет совершить, все видящие не стали смеяться над ним* (Лк. 14, 28–29).

Игумен, послушав мнение братии, настоял на своем: «Следует нам твердо уповать на Бога. Если Ему будет угодно это дело, мы будем получать бесчисленные подати от неоскудных Его сокровищ на воздвижение дома Святого имени Его». Что оставалось недовольным? Просить прощения. Слово наставника заставило их покориться – желали они того или нет. Раскола не произошло. Видно, большинство, поколебавшись, утвердилось в смирении, поскольку считало наставника человеком мудрым и чистым. Видно, замыслы его передались многим инокам соловецким. Видно, огонь его сердца согрел многие сердца.

Новая великая работа продлилась более восьми лет. Спасо-Преображенский собор начал строиться 27 мая 1558 года. А освятили его вскоре после отъезда Филиппа на митрополию в

Москву – как сообщает Соловецкий летописец, «на Преображение Спасово», то есть в августе 1566 года. Старец Спиридон, отправившийся в Москву, порадовал Филиппа: «Отче, мечта твоя сбылась…»

Как уже говорилось, собственными силами иноческая община не смогла собрать необходимые деньги. Набранная сумма была во много раз меньше того, что требовалось. Поиски благочестивых жертвователей, вероятно, затянулись бы на долгие годы, если бы государь Иван IV при окончании работ над Успенской церковью не пожаловал обители колоссальные средства – 1000 рублей. В XVI веке меньшего хватило бы на покупку дюжины деревень… Отправляя богатейшее пожалование соловецкой братии, царь ясно определил его предназначение: «…на каменную церковь Боголепнаго Преображения». И, следовательно, аргументом для строительства Спасо-Преображенского собора было не только обладание достаточными средствами, но и воля самого государя. Получив такие деньги, поздно идти на попятный! Желая укрепить и ободрить братию, в год закладки собора из столицы прислали золотой крест с частицами мощей, украшенный жемчугом и драгоценными камнями. От имени царевичей Ивана и Федора Ивановичей на изготовление креста было дано 210 рублей. Во времена строительства Спасо-Преображенского собора Соловецкую обитель считают в Москве уже довольно значительным монастырем, достойным внимания. От имени государя Ивана Васильевича туда отправляют два небольших колокола, еще один дорогой крест, серебряный кубок, а главное – значительные суммы на поминовение членов царского семейства – трех жен монарших, последовательно сошедших в могилу, и его брата Юрия.

За работою проследил Федор Дмитриевич Сырков – богатейший новгородский купец и дьяк (высокопоставленный чиновник).

В течение восьми лет на Большом Соловецком острове руками многих людей и волею игумена Филиппа творилось настоящее чудо. Русский Север в середине XVI века был небогат значительными каменными церквями. А уж возвести такой храм в условиях Соловков – настоящий подвиг, физический и духовный. Попробовал бы кто-нибудь сейчас, в XXI столетии, повторить его!

Летом 1566 года английские мореплаватели Томас Сутзем и Джон Спарк побывали на Соловках. Игумена Филиппа они там уже не застали: он отбыл в Москву – ставиться на митрополию. Посетив монастырь, англичане, по их собственным словам, «… переехали в отличный каменный монастырский дом в 5 милях к

юго-западу от обители». Стало быть, помимо построек времен Филиппа, известных по Житию и деловым документам, был еще какой-то дом, вызвавший восхищение иноземных моряков.

К юго-западу от основных строений обители… море.

И маленькая группа Заяцких островов. Так вот, на большом Заяцком острове в XVI столетии появились сложенная из валунов, прочно скрепленных строительным раствором, «людская», иными словами, гостиница, а также отдельно стоящая «поварня» (кухня) при ней. Там же был колодец, устройство которого приписывается распоряжению игумена Филиппа. Людская стояла близ удобной и глубокой гавани, возведенной из таких же валунов; ныне она обмелела и пригодна разве что для лодок, однако современный причал располагается рядом с нею. По велению Филиппа, мореходы, становившиеся в этой гавани, обязаны были укреплять ее, добавляя валуны к старой кладке.

Побывав на Соловках в августе 2008 года, автор этих строк имел возможность подробно обсудить местные морские обычаи и условия мореплавания с большим знатоком старинного «хождения по водам». Из разговора с ним было вынесено вот какое убеждение: монастырская гавань в бухте Благополучия, а также более древнее пристанище мореходов на севере Большого Соловецкого острова, в Сосновой губе, не соответствовали тем грандиозным строительным планам, за осуществление которых взялся игумен Филипп. Множество мелей, запутанный фарватер, недостаточная глубина превращали в рискованное дело выгрузку материалов, прибывавших с материка постоянным потоком. А Белое море никогда не баловало моряков. Так, в июле 1561 года 15 ладей, на которых с Двины везли известь для монастырского строительства собора, были разбиты штормом и погибли… В то же время стоянка на Большом Заяцком острове, там, где располагаются валунная гавань и людская, намного удобнее. По всей видимости, здесь разгружались крупные корабли, а стало быть, их ждали склады, содержимое коих понемногу переходило на Большой Соловецкий остров. Но даже если складов тут при Филиппе и не сооружали, то, во всяком случае, оборудовали стоянку, где могли укрыться от непогоды суда, прибывшие к Соловкам в неудачное время. У Заяцких островов они ждали благоприятного случая, когда в ту же бухту Благополучия можно будет зайти вполне безопасно.

Весьма вероятно, Филипп озаботился устройством Заяцкой гавани прежде, чем закончилось строительство Успенского храма. Не исключено, что это произошло даже раньше, чем началось возведение церкви. И в любом случае к 1566 году Заяцкая гавань уже была оборудована.

Говоря современным языком, настоятель монастыря обеспечивал адекватную инфраструктуру для больших строительных затей.

Другим важным элементом этой инфраструктуры стали многокилометровые дороги, проложенные на Большом Соловецком острове при Филиппе. Современные дороги во многом следуют именно той конфигурации путей, которую задал беспокойный настоятель еще в середине XVI столетия. Как минимум, это старейшая соловецкая дорога, тянущаяся от монастыря к Савватиеву и Сосновой губе.

Впрочем, Заяцкая гавань и дороги на большом Соловецком острове – лишь верхушка айсберга. Филипп мечтал добиться двух больших перемен в жизни иноческой общины: во-первых, поставить каменные храмы на месте деревянных; во-вторых, обеспечить монахов всем необходимым, прежде всего достаточным количеством еды.

Но эти два не столь уж значительных – по внешней видимости – достижения увлекли за собой настоящую лавину иных преобразований. Хозяйство Соловецкого монастыря еще в середине 1540-х годов было микроскопическим. Оно даже братию не могло толком прокормить, не говоря о более серьезных задачах. Филиппу пришлось создавать совершенно новое хозяйство, можно сказать, принципиально новую экономику. Тут за чем не потянись – ничего нет в наличии. Все надо везти с большой земли, да еще и приглашать оттуда работников. Поэтому на один шаг в большом строительстве Филиппу приходилось делать по пять шагов в обеспечении этого строительства да и просто монастырской жизни.

С материками требовалось доставлять металлические изделия (собственный заводик обитель не могла себе позволить…), стекло для окон, известь для строительного раствора, строительные артели, а также продукты, необходимые для прокорма работников.

Вот новая гавань. Вот новые дороги. Вот появляется свой «железный промысел» – видимо, большая кузница. А вот еще и флот монастырский, увеличившийся многократно. В 1549 году за обителью числилось всего четыре большегрузных судна – лодии. В 1561 году их стало 15! Тогда монастырский флот был разбит бурей, но затем постепенно возродился. К концу 1560-х обитель располагала уже семью лодиями.

Для строительства требовался кирпич. Монахи давным-давно наловчились изготавливать его из глины, однако лишь Филипп, благодаря «инженерному решению», сумел поставить кирпичное производство на массовую основу: «…прежде сего на Вараке

глину на кирпич копали людьми, а ныне волом орут одним, что многие люди копали глину и мяли на кирпич людьми, а ныне мнут глину на кирпич коньми ж да и на церковь лошадьми воротят вороты кирпич, и брусья, и известь, и всякой запас, а прежде того на церковь воротили кирпич и каменье и всякой запас вороты на телегах…» – так сообщает Соловецкий летописец. Появились печи для обжига кирпича и специальные амбары для его хранения.

Когда у человека полно еды, но он ради любви ко Христу отказывается от обильной трапезы и держит пост, в его поведении видно благочестие. Когда же пищи у него нет по причине бедности или нерасторопности, он постится не из благочестия, а в силу внешних обстоятельств. Вынужденно голодая, никто не приобретает никакой духовной заслуги. Так вот, Соловецкий монастырь до игуменства Филиппа голодал вынужденно.

А при Филиппе, как пишет местный летописец, «…прибыли шти с маслом, да и разные масляные приспехи, блины и пироги, и оладьи, и крушки рыбные, да и кисель, да и яичница… стали в монастырь возити огурцы и рыжики»… Казалось бы, появился соблазн чревоугодия, который прежде нимало не грозил соловецким инокам. Однако плох тот монах, кому не удалось побороть столь простого врага, как собственное обжорство! Абсолютное большинство братии, те, кого изобилие съестного не превратило в чревоугодников, могли ограничивать себя в еде столько, сколько требуют уставные правила и сколько необходимо для их духовного роста.

Игумен Филипп должен был не просто гарантировать обители прожиточный минимум или даже обеспечить своего рода «зажиточность». Он позаботился о большем. Пока шло строительство, братия стремительно росла: добрая слава общины привлекала все новых охотников принять постриг на суровых северных островах… В 1553 году Соловецкий монастырь объединял в своих стенах 107 иноков, а ко времени, когда Филипп оставил игуменство и отправился в Москву, ставиться на митрополию, их было уже около 200! Кроме того, монастырю требовалось постоянно обеспечивать пищей, водой, жильем и всем необходимым строительные артели, прибывавшие на острова. Это означает: население архипелага заметно увеличилось, и обо всех новоприбывших – навсегда или на несколько месяцев – необходимо было позаботиться.

Помимо величественных храмов пришлось строить гораздо более скромные помещения, без которых и великолепные церкви не поднялись бы. В настоятельство Филиппа появились новые жилые избы, чулаты (клети), кельи, а в монастыре прибыло

посуды.

Но главную проблему создавали самые простые, самые необходимые продукты питания: хлеб и молоко. Требовалось также запастить гораздо большим количеством питьевой воды.

Зерно на Соловки доставляли с материка, да и туда-то его в основном привозили с коренных русских земель. Наш Север благоприятнее для льна, чем для хлеба…

Между тем, пока зерно везли на телегах, а особенно на кораблях, оно портилось от сырости. А уж когда оно оказывалось в монастыре, тут сырость быстро брала над ним верх. Плесень в обители вездесуща, она в равной мере поражает дерево и камень. Монастырскому хозяйству, до Филиппа и без того державшемуся на честном слове, эта порча доставляла гибельный ущерб.

«Хозяин Соловков» чуть ли не в первую очередь велел соорудить каменное сушило и тем дал монастырским хлебным запасам заметно больший срок жизни. В том сушиле настоятель «нарядил» подъемный механизм, поднимавший и ссыпавший рожь в хранилище.

Прежде Филиппова игуменства обитель располагала несколькими небольшими мельницами. На их месте он построил крупные каменные мельницы, а чтобы дать тяжелым мельничным колесам должную силу вращения, он велел прокопать большой ров{ Собственно, ров был и раньше, но при Филиппе его углубили.} от Святого озера, лежащего рядом с обителью, к морю, само же Святое озеро расширить и вычистить, устроить там плотину. С помощью особых каналов 72 озера Большого Соловецкого острова были соединены между собой, и вода из них шла к одному Святому озеру, сливаясь оттуда в море. Монастырь получил столько питьевой воды, сколько ему требовалось, а мельницы – такой напор, который способен был приводить их в движение.

Роль важнейшей пищи для соловецких иноков играла морская рыба. И дело здесь не только в том, что рыба всегда рядом, а вот хлеб-то могут и не доставить вовремя из далеких мест… Просто без рыбы монахи, при их строжайших постных правилах, обессилели бы да и принялись отдавать Богу души от голода.

Филипп, во-первых, велел разводить рыбу в Святом озере, где уровень поднялся, притом вода не застаивалась, постоянно обновлялась течением (из озер к морю). Во-вторых, он распорядился соорудить две валунные насыпи на побережье, северо-западнее монастыря. Отгородив таким способом узкий морской заливчик, настоятель устроил там рыбные садки. Крупная рыба не могла проскочить между камнями, но ей было

чем кормиться в тесном пространстве, поскольку планктон и мелкий рыбный корм приходили в садки с каждым приливом.

С тех пор Филипп избавил себя от необходимости с тревогой отправлять кого-то из братии на рыболовный промысел – тяжелый и рискованный, особенно при сильном ветре и высокой волне.

Фактически игумен Филипп за двадцать лет правления произвел экономическую революцию на Соловках. Для хозяйства обители, для бытового и богослужебного обихода братии, и, тем более, для внешнего вида монастыря он сделал фантастически много.

Всматриваясь в жизнь святого Филиппа, скоро чувствуешь растущее удивление. Разве могла произойти с человеком, достигшим возраста зрелости, столь разительная, столь невероятная перемена? Порой кажется, что Филипп во игуменах соловецких – совсем другой человек, что инок смиренный, полный радостями пустынничества, куда-то исчез и его заменила личность деятельная, волевая, энергичная и разворотливая. Тихий, гордость в себе убивший монашек обращается в настоятеля с каменным характером, правителя большой области, администратора, которому до всего есть дело…

Книжный человек, недовольный судьбой воина, Филипп услышал зов истины, и вступил на путь следования к ней, желая освободиться от оков уныния. Явившись на Соловки, он несколько лет очищал душу. Выжигал корни грехов, восприимчивость к соблазнам. Ведь даже тот, кому вера досталась от родителей, укреплена воспитанием и добрым примером окружающих, всё-таки не способен сам по себе, без помощи Бога соблюсти ее нерушимость, сохранить душу в полной чистоте. Вот приходит несчастье, боль, чья-то смерть, а то и просто сильный соблазн – и что же? Благочестивейший человек быстро теряет упование на силы небесные, да и просто перестает думать о них. Мысли его наполняются горечью, страхом, пустыми иллюзиями, злобой, корыстью. То, что должно произойти с его душой по окончании срока земного, больше не вызывает никаких чувств и выветривается из размышлений. Интерес, накрепко связанный с миром сим, всё побеждает, всё наполняет собой. Мудрейшие подвижники, и те подвержены этому! И у них вера может разрушиться в мгновение ока. И их души не отгорожены от скверны. Монаху сам быт его, сам способ жизни дает инструменты для очищения да еще для тренировки духа – всё на том же пути приближения к Богу. Надобно только пользоваться ими, не щадя себя. Филипп очищался и закалял дух. Он

приготовил себя для того, чтобы подойти к источнику истины так близко, как он только мог. И вот в период пустынничества Филипп делает последние несколько шагов к истине, а значит, к Богу. Тогда, возможно, ему дано было нечто, навсегда и с великой силой укрепившее его веру. Видение Божественных энергий. Или такое состояние, когда стяжание Духа Святого делается ощутимым, а присутствие Бога – несомненным. Или что-то было сказано ему свыше… Продвинувшись так далеко в сторону Бога, Филипп уверился в Его существовании навсегда и расстался с малейшим сомнением. Большего дара в земной жизни получить никому не дано. С тех пор соловецкий монах, а потом настоятель шествовал по летам судьбы своей легко. Он точно знал, что Бог есть, и так же точно знал, что Бог – именно Тот, в кого он верил. А значит, в дальнейшем ничто не могло отвратить Филиппа от поступков, совершаемых сообразно вере. Он знал, с какой меркой подступаться к жизни в сложных и спорных ситуациях. Выходит, ему оставалось следовать правилу: «Делай что должно, и будь что будет». Страшные траты времени и жизненной силы на сомнения и колебания не трепали его столь же неотступно, как мучают они большинство людей.

Именно из этого знания, из этой простой решимости мерить аршином веры всех и вся выросла невиданная энергия Филиппа и невиданная твердость в делах. Следовало исправить хозяйственные дела монастыря? Он исправил. Следовало заменить неказистые деревянные церквушки великолепными каменными храмами? Он заменил. Следовало позаботиться о братии? Он обеспечил ей достаток. Всякий раз, выполняя свой долг, Филипп видел великие препятствия. Всякий раз перед ним возникали задачи, разрешение которых требовало долгих месяцев и даже лет. Но он двигался к цели, не предаваясь рассуждениям о тяжести и длительности трудов. И достигал ее в конечном итоге.

Итак, думается, «соловецкая притча» в жизни Филиппа – это притча о необыкновенной силе, которую христианин может почерпнуть от крепкой веры.

Спокойная жизнь Филиппа на Соловках кончилась в июне 1566 года. Из Москвы прибыл государев гонец с известием: царь Иван Васильевич желает видеть соловецкого настоятеля «духовного ради совета» и велит ему немедленно собраться для поездки в Москву. Очевидно, посланник открыл тайную суть монаршего приказа: игумену предстояло подняться к митрополичьему сану.

Это была большая неожиданность для Филиппа. К тому времени он достиг возраста 59 лет, считавшегося тогда весьма

преклонным. До него немногие доживали в России XVI столетия, а из тех, кто всё-таки доживал, большинство пребывало в дряхлости физической и духовной. Игумен соловецкий собирался мирно окончить дни в стенах монастыря. А до наступления последнего срока планировал поставить еще одну каменную церковь, окончить кое-какие мелкие строительные работы на Большом Заяцком острове да на Святом озере.

В тоске расставался он с милой сердцу обителью, с печалью провожала его братия…

Делать нечего. Филипп еще мог противиться возвышению, к которому двигал его старый настоятель, Алексий, но когда сам государь хотел его возвысить, Филипп, желая того или нет, обязан был повиноваться. Последний раз он вел литургию в стенах монастыря, последний раз причастился, последний раз трапезовал с братией и сел на корабль.

Так закончилась одна притча, рассказанная Богом через судьбу святого Филиппа, и началась другая…

Митрополит

На Московской митрополичьей кафедре Филипп пробыл немногим более двух лет. 25 июля 1566 года его поставили в митрополиты, а в начале ноября 1568 года – лишили сана.

Московская царская летопись сохранила краткое известие о том, как Филипп стал главой Русской Церкви. Вот оно: «Того же месяца июля в 24 день [1566 года], в среду царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии и сын его царевич Иван с своими богомольцы с архиепископы и епископы и со всем еже освященным собором избрал в дом Пречистыя Богородица{ Успенский собор Московского Кремля.} на святый великий престол великих чюдотворец Петра и Ионы на Русскую митрополию после Афанасия митрополита из Соловецкого монастыря игумена Филиппа, и возведоша его того дни на митрополич двор. А июля в 25 день, в четверг, повелением благочестиваго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца поставлен бысть на святый великий престол великих чюдотворцов Петра и Алексия и Ионы на Русскую митрополию игумен соловецкий Филипп Колычов».

Когда Филиппа призвали в Москву, митрополия «сиротствовала». Но освободилась она не из-за смерти предыдущего главы Русской Церкви, а совсем по другой причине. Крайне для царя неудобной.

С февраля 1564 года по май 1566-го митрополитом Московским и всея Руси был Афанасий, бывший духовник Ивана IV, возведенный на высшую ступень церковной иерархии – уникальный случай! – из белого духовенства. Его постригли незадолго до принятия митрополичьего сана. Иван Васильевич знал его давно. Этот смелый человек сопровождал царя в том славном походе, когда русская армия взяла Казань. Ему, безусловно, оказывалось самое высокое доверие со стороны государя. Да и прежний митрополит, Макарий, был с ним дружен: вместе они крестили царских детей, вместе «обновляли и починивали» иконы, будучи искусными иконописцами. И вот Афанасий, не спросясь у Ивана IV, сходит с митрополичьего двора в Чудов монастырь. Официальная летопись сообщает, что он оставил митрополию «за немощию велию». Собрался умирать? Вот уж нет: ни в этом, ни в следующем году бывший митрополит не окончит земное существование… В июне Афанасий уже не участвует в большом Земском соборе, который решал вопрос о продолжении Ливонской войны. Отсутствие его подписи под итоговой грамотой покоробило современников. Иван IV никак не

проявил своего недовольства Афанасием. Его не казнили, не сослали, ему не объявили опалу. Ему даже позволяли впоследствии поновлять иконы в Успенском соборе. Однако ощутимое напряжение между царем и Церковью появилось. Во времена Макария такого быть не могло.

Между тем у охлаждения между государем и бывшим его духовником имелись веские политические причины. В 1564 году, очевидно, незадолго до учреждения опричнины, митрополит «печаловался» об опальных аристократах, которых Иван IV начал нещадно губить. Это твердо установленный факт. Собственно, печалование об осужденных являлось давним правом Церкви. Она не имела возможности отменить казнь: все права казнить и миловать находились в руках государя, тут он по средневековому русскому законодательству не имел ни малейших ограничений. Митрополит и прочие иерархи могли только напоминать ему о христианском милосердии и любви. Но если от Макария Иван Васильевич готов был такие напоминания терпеть, то Афанасий, как видно, не обладал в его глазах столь же высоким духовным авторитетом. Или, может быть, конфликт с гордой знатью зашел слишком далеко и старания митрополита привели царя в крайнее раздражение.

Уехав из Москвы в Александровскую слободу, Иван Грозный отказался от престола и разразился грамотой, в которой обвинял служилую знать, дворян, приказных людей (чиновников) в изменах, разорении казны, пренебрежении службой. Особая укоризна касалась духовенства: «И в чем он, государь, бояр своих и всех приказных людей, также и служилых князей и детей боярских похочет… в их винах понаказати… архиепископы и епископы и архимандриты и игумены, сложася з бояры и з дворяны, и з дьяки, и со всеми приказными людьми, почали по них же государю царю и великому князю покрывати». Митрополит не назван, но царь явно метил в него. Между тем посадские люди получили иную грамоту, где говорилось, что на них Иван Васильевич гнева не держит. Таким образом, Иван IV провоцировал ситуацию, в которой торгово-ремесленный люд столицы мог подняться на бунт против верхушки общества. Русская аристократия и Церковь отправили в Александровскую слободу делегацию – вести переговоры о возвращении царя на царство. Из этих-то переговоров и родилась в январе 1565 года опричнина. Но вот какая деталь: митрополит Афанасий не поехал упрашивать Ивана Васильевича о прощении, о новом утверждении государя на царстве. По его указанию в слободу отправились люди пониже рангом. Как видно, владыке не по душе пришлась царская затея – стравить разные части общества. Иван

IV требовал от Церкви не препятствовать казни тех, кого он считал изменниками. Представители духовенства согласились на это условие, но Афанасий всё-таки не освятил эту сделку своим присутствием. Вскоре с плахи скатились головы пятерых служилых аристократов. Их государь считал главными виновниками кризиса. По всей видимости, Афанасий этих казней не одобрил. Царь грубо вмешался в процедуру возведения в сан Коломенского епископа. Афанасий стерпел. У Ивана Васильевича появились основания рассчитывать на абсолютную покорность Церкви. И вдруг митрополит, презрев обещание более не печаловаться об опальных, вступился за боярина Яковлева, впавшего в немилость. Конфликт между главой Церкви и государем принял осязаемые формы. Не решаясь обострять его, Иван IV «отдал вины», т. е. простил боярина.

Афанасий с печалью смотрел на всеобщее озлобление, воцарившееся из-за опричнины. Он предчувствовал грядущие потрясения, однако сделать ничего не мог. Ему не хватило духа восстать против опричных порядков, но оказалось достаточно, чтобы не поддерживать их. Какой выход оставался? Положить митрополичий посох. Пройдет совсем немного времени, и вспыхнет первое антиопричное выступление, казни возобновятся, подтвердятся худшие предчувствия Афанасия… Но к этому мы вернемся чуть погодя, в связи с митрополичь им правлением Филиппа.

Так или иначе, весной 1566 года Иван IV оказался в неприятном положении. Опричнина привела к столкновению с главой Церкви. И если оно приняло мягкую форму, то только благодаря смиренному характеру Афанасия. А продолжение конфликта сулило прямую «поруху» царскому имени.

Иван IV должен был отнестись к выбору нового митрополита с большим тщанием и большой осторожностью. Он находился тогда в зените всевластия, именно от его решения зависело, кто займет митрополичью кафедру.

И государь в конечном итоге возвысил максимально неудобного для себя человека. Почему?

Почему именно Филипп?

Поставление его в сан выглядит парадоксальным.

Кто он такой? Игумен обители, стоящей за тридевять земель от столицы, на самом краю державы. Пусть известной, но всё-таки не чета Троице-Сергиеву монастырю или, скажем, Кирилло-Белозерскому. Да и слава Соловков во многом создалась благодаря неусыпной деятельности Филиппа… Столичное духовенство, из которого обычно и выходили митрополиты, думать не думало о Филиппе. Царь его едва знал. Царь на

Соловках ни разу в жизни не был. У Ивана IV в церковной иерархии хватало верных исполнителей его воли, но он почему-то не стал поднимать до высот митрополичьей власти никого из них.

Допустим, Иван Васильевич в ту пору испытывал сильнейшее раздражение против московского духовенства. Оно противилось царской затее с опричниной. Во всяком случае, какая-то его часть. Ну а те, кто оставался покорен государю, как видно, не вызывали у него уважения.

Сердясь на непокорство Афанасия, не любя, может быть, каких-то столичных монастырских настоятелей, невысоко оценивая угодливое служение других духовных особ, Иван Васильевич продолжал испытывать благоговение перед Церковью в целом. Он еще не ударился в кровавое неистовство, он еще не учинил чудовищный Слободской орден, он еще не губил архиереев и архимандритов. Нет оснований думать, что в день основания опричнины всё доброе в душе государя куда-то исчезло и на место его пришло одно только черное беснование. Страсти, раздиравшие государя, не все еще выпростались из его сжатого кулака, худшие пока не получили свободы.

Всякое нравственное падение имеет долгую биографию, и пусть даже цветут его цветы, плодов еще долго может быть не видно…

Натура Ивана IV сохраняла изрядный запас благочестия. И оно не позволяло сделать митрополитом пустейшего льстеца. Полезный пес – все-таки пес, не сажать же его за стол! А ум Ивана Васильевича, который, кажется, не отрицают даже самые непримиримые критики царя, говорил ему, что во главе Церкви должна стоять значительная фигура. Унижение Церкви – унижение всей державы, на такое царь пока еще не шел. Но смирный холоп в митрополичьем кресле и есть великое унижение Церкви. Следовательно, требовался достойный человек праведной жизни, способный, к тому же, справиться с огромным «хозяйством» и вместе с тем никак не связанный с московскими оппозиционерами.

Филипп казался подходящей кандидатурой. По всем признакам.

Но скорее всего, возвышение Филиппа связано с родственной протекцией.

Ничего странного и удивительного в этом нет. Напротив, такова была норма жизни. Вся структура власти в Московском царстве пронизывалась родственными связями. Удачный брак стоил выигранного сражения, а продвижение одного человека открывало новые перспективы всему семейству. Карьеру делали не в одиночку, двигались наверх всем родом, поддерживая друг

друга. Но… недаром так похоже звучат два слова: глагол «опалить» и существительное «опала». Тот, кто взлетел высоко, но упал, опалив крылья в огне государева гнева, тоже тащил родню за собой в пропасть. Родственные узы порой возвышали человека – против всех правил и обычаев – из полного ничтожества до верхних этажей придворной или военной иерархии.

Так что порадеть своему человечку в эпоху Московского государства было родовой доблестью, воплощением чести и здравого смысла. Подобное действие не несло в себе ни малейшего повода для общественной укоризны, как его воспринимают в наши дни.

В 60-х годах из огромного и весьма разветвленного рода Колычевых у государя Ивана Васильевича «в приближении» ходили двое. Прежде всего, боярин Федор Иванович Колычев-Умной, человек зрелых лет, опытный воевода и крупный дипломат. Во второй половине 60-х годов он был послом в Польше, выполняя, таким образом, важнейшую работу: от его успеха зависела судьба Ливонской войны. С боярским чином Федор Иванович перешел и в опричнину. Но «доброхотом» Филиппа мог быть не он, а его младший брат Василий Иванович. Он добился положения видного военачальника, получил думный чин окольничего. Главное же состоит в том, что Василий Иванович Колычев-Умной рано вошел в опричнину. Когда именно – неизвестно. Возможно, при ее основании. Его дальнейшая карьера показывает: все опричные годы царь ему доверял, да и после отмены опричнины не лишил своих милостей.

Итак, Колычевы-Умные стояли достаточно близко к государю, чтобы подойти к нему с рекомендациями, когда митрополичья кафедра оказалась вакантной. Более того, их, как видно, подталкивал родственный долг. К Филиппу братьям Федору и Василию полагалось относиться с почтением. У них был общий дед, Иван Андреевич Колычев, по прозвищу Лобан. Бог послал ему обильное потомство, пятерых сыновей. Так вот, Филипп родился у старшего из них, Степана, а Федор с Василием происходили от младшего, Ивана Умного. Поэтому для них Филипп – старший в роду, человек, о котором стыдно не заботиться.

Они, вероятно, и позаботились. За дальностью Соловков у братьев Колычевых-Умных не оставалось времени, чтобы отправить к Филиппу гонца с вопросом: «Дорогой родич, а сам-то ты желаешь ли оказаться в митрополичьем кресле?» Ситуация складывалась «горячая». Кто первый сообразит, как ею воспользоваться, тот и окажется в выигрыше. Следовало торопиться, пока у Афанасия не появился иной преемник. Вот

братья и расстарались…

Умаляет ли хоть в малой степени такой поворот событий чистоту Филиппа? Нет.

Вероятно, к нему сначала пришла царская грамота с повелением отправляться в Москву, на митрополичий двор, а уж в столице родня рассказала, как удалось ей найти удобный момент, когда государь добр, как расхвалили благочестие Филиппа, как нашептали Ивану Васильевичу, дескать, «наш-то от столичных интриг далек, будет тебе честным слугой…» Отказываться выходило рискованно. И для себя, и для родни: разочарование царя могло дорого стоить Колычевым-Умным.

Слушая восторженный рассказ «племенников», Филипп, быть может, вздыхал и печалился. Он-то собирался довести до ума Преображенский храм, да возвести Никольскую церковь, да приискать себе достойную замену на игуменстве: годы-то уж немалые… А тут – на тебе заботу! И ведь думают, что сделали хорошо, почтили, возвысили.

Ин ладно. Что дал Господь, то и хорошо. Надо впрягаться…

Ну а теперь стоит отойти подальше от нюансов возвышения Филиппа и посмотреть на картину в целом. Так или иначе, в трудное для Русской Церкви время Бог привел на митрополию чистого душой человека, не корыстолюбца и не честолюбца. Ему уготована была высокая, невероятно трудная роль. И для этой роли оказался избран провинциальный игумен из соловецких дебрей… Да как не видеть тут вмешательства Высшей воли? Мнение царя, повлиявшие на него советы Колычевых-Умных, да слова архиепископа Пимена, да смирение Афанасия, да еще множество обстоятельств оказались кирпичиками в строении, возведенном по желанию Бога. И пусть иные кирпичи оказались худы и кривы, а в стену они легли наряду с другими прямо и верно.

Житие Филиппа прямо указывает на слова из Священного Писания: *Сердце царя – в руке Господа* (Притч. 21, 1). Что царь избрал, то прежде ему Бог изволил.

О деятельности Филиппа в роли митрополита Московского до его конфликта с царем известно очень мало. Житие говорит о делах митрополита много пышных слов, но слова эти общие. Они дают лишь одну конкретную подробность: глава Русской Церкви склонялся к образу действий митрополита Макария, великого своего предшественника: «Благий сей, подражая прежеупомянутого благолюбиваго Макария митрополита, усердно следовал по стопам его…» Пример святого Макария – благой из благих! Этот мудрый человек занимал митрополичью кафедру

более двадцати лет, и все важнейшие дела Церкви получили явственный отпечаток его личности. Достоинства правления Макария были очевидны. Избрав духовное преемство по отношению к нему, новый митрополит сделал выбор, лучше которого измыслить невозможно…

Сразу после возведения в сан Филипп совершил первое деяние в роли митрополита. Он заполнил вакантную кафедру Полоцкого архиепископа Суздальским владыкой Афанасием. Полоцк в ту пору играл роль передового пункта русской обороны, он стоял на самой границе с неприятелем; кроме того, в этом городе с православными издавна соперничали католики (прежде всего, бернардинский орден) и протестанты весьма радикального толка. Отсутствие православного владыки в Полоцке выглядело рискованным и с вероисповедной, и с политической точки зрения. Филиппу следовало поторопиться с назначением архиепископа, что он и сделал. 11 августа 1566 года город получил нового владыку. Полоцк тогда бедствовал от морового поветрия, священники «вымерли», так что некому было совершать погребальные обряды. Афанасию пришлось вызвать их из других городов. На Полоцкой епархии он пробыл до весны 1568 года, когда, усталый и разбитый хворями, отправился в Кирилло-Белозерский монастырь, чтобы вскоре окончить там земные дни.

В декабре 1566 года Филипп вместе с новопоставленным архиепископом Полоцким Афанасием освящал недавно построенный Входоиерусалимский придел в кремлевском храме Благовещения. Поскольку эта церковь играла роль домового храма московских государей, на освящении был Иван IV с двумя царевичами.

В 1567 году митрополит получил от удельного князя В.А. Старицкого несудимую грамоту на все митрополичьи владения в районе Дмитрова, Боровска, Звенигорода, Романова и Стародуба Ряполовского. Как «игумен всея Руси» Филипп обрел тогда солидное подспорье своему колоссальному «хозяйству».

Вообще, 1567 год оказался трагическим для Русской Церкви не по каким-то политическим, а по самым естественным причинам. Тогда умерло сразу несколько высших иерархов, и состав Освященного собора резко обновился. Филиппу приходилось отыскивать достойных людей и ставить их, одного за другим, на освобождавшиеся кафедры.

19 января 1567 года Филипп созвал церковный собор, куда пришел и сам царь. Требовалось решить судьбу двух больших церковных областей. Еще осенью скончался архиепископ Никандр, а незадолго до собора умер тот самый владыка Тверской Акакий, дряхлый старик, правивший церковными

делами области так долго, что предыдущего епископа не помнил уже никто. В преемники ему Филипп определил Варсонофия, архиманд рита Спасо-Преображенского монастыря в Казани. На вакантное место в Ростове Филипп поставил некоего Корнилия. Тут уже была церковная «политика». Корнилий когда-то игуменствовал во второстепенном Колоцком монастыре. Затем попал в казначеи на митрополичий двор. А это очень ответственная должность. Казначей контролировал колоссальные богатства и, что еще важнее, домовый архив. А в архиве хранились грамоты на все земельные владения Дома… Филипп, «крепкий хозяйственник», очевидно, пригляделся к состоянию митрополичьей казны и остался доволен. Он превосходно разбирался в таких вещах. Дельный человек, хорошо проявивший себя на экономическом поприще, стоял в его глазах высоко. И митрополит выдвинул Корнилия, для которого это была фантастическая карьера… Из провинциальных настоятелей он поднялся до положения четвертого человека в церковном организме Руси! В том же 1567 году скончались Суздальский владыка Елевферий и Смоленский – Симеон. На их места Филипп поставил Пафнутия и Феофила. Первому из них предстоит сыграть важную роль в судьбе митрополита. В трудный час он не забудет благодеяния Филиппа. Летом епископ Пермской и Вологодский Иоасаф оставил кафедру, почувствовав, что старческая немощь не позволяет ему заниматься делами. Пришлось подыскивать замену и ему… В конце 1567-го или в начале 1568 года митрополит поставил на место Сарского и Подонского епископа Галактиона владыку Германа.

Таким образом, Филиппу пришлось постоянно решать «кадровые проблемы». Он не имел опыта в таких вопросах, но помимо него заниматься ими было просто некому.

Во второй половине 1566 года в Москву приехали посланники от Иерусалимского патриарха. Филипп, человек провинциальной Церкви, ранее не прикасавшийся к делам, давно известным в Москве, мог увидеть, насколько бедственно положение его единоверцев под властью турок. С Православного Востока на Русь регулярно приезжали за милостыней. Нищее, бесправное греческое и славянское духовенство страдало от жестокого угнетения. Жизнь и смерть архиереев зависела от воли турецкого султана. Вот и сейчас три старца греческих – Константин, Макарий и Пахомий – а вместе с ними и архимандрит Аникей явились просить бескорыстной помощи у богатых северный соседей. Иван IV одарил их огромной по тем временам суммой в 300 рублей серебром и переправил в декабре

на земли Литовской Руси через русский Полоцк. А там, в приграничных местах, как раз шли масштабные строительные работы, воздвигались новые крепости…

До поры до времени митрополит поддерживал Ивана Васильевича во многих делах, не исключая большой политики. В грозненское царствование многие военные кампании русской армии облекались в форму настоящих крестовых походов. Выходу войск из Москвы предшествовали молебны, духовенство совершало большой крестный ход, архиереи благословляли государя и отправляли наставительные послания в полки. На востоке и юге России противостояли старинные противники христианства – магометане. На западе выстраивались давние враги православия – католики. К ним добавился протестантизм, получивший невероятное распространение в русских землях Великого княжества Литовского да и в Ливонии. Протуберанцы протестантских проповедей достигали России. Тут они становились источником горчайших, радикальнейших ересей. Поэтому у нас все разновидности протестантизма, не мудрствуя лукаво, называли «люторовой ересью», или «люторовой прелестью». Осенью 1567 года Иван IV готовился совершить еще один поход в Ливонию. Филипп тогда рассылал «богомольные грамоты». До наших дней дошла одна из них, адресованная монахам Кирилло-Белозерской обители. В ней митрополит призывает молиться за царя. Он обрушивается на врагов, совершающих «злой совет… на святую и благочестивую христианскую веру греческого закона». Особенно достается «люторовой прелести». По словам Филиппа, «боговенчанный царь» оскорбился и опечалился, узнав об этом, а затем по его, митрополита, благословению пошел на своих недругов за веру и за царство. Таким образом, Филипп возлагает на православное воинство священную, очистительную миссию.

Еще митрополит Макарий придавал походам Ивана Грозного вид войны за веру. Филипп стоял на том же. И странно было бы ждать иного от глав Русской церкви…

Итак, до конца 1567 года отношения между царем и митрополитом – мирные, симфонические. Признаков сколько-нибудь серьезного конфликта нет, напротив, видно доброе согласие светской и церковной властей.

Филипп не забывал оставленный им Соловецкий монастырь. В конце 1566 года или в 1567-м он вызвал оттуда иноков с мощами Зосимы и Савватия да «со святыми водами». Приехавшим монахам со старцем Спиридоном во главе митрополит устроил встречу с государем. Они же, в свою очередь, порадовали его добрыми известиями: на Соловках достроили Преображенский

храм, да и освятили его еще в августе, через несколько недель после того, как Филипп стал главой Церкви. Душа митрополита возликовала: давняя его затея счастливо окончилась ко благу любимой обители! В сообщении соловецких монахов Филипп мог видеть доброе предзнаменование к собственному служению…

Соловки остались в его сердце. Он писал туда грамоты, в которых видно теплое чувство. Без тихих озер, без прибрежных валунов, поросших мхом, без линии горизонта, до которой рукой подать, ему тоскливо. Печаль толкается в самую душу, мысли улетают к полночным пределам Московской державы и возвращаются, напоенные криками чаек. Холодно Филиппу в теплой Моск ве, тепло ему на холодных Соловках… Туда бы уйти, на покой, на жизнь уединенную, да хоть бы и не в пустынь, но к спокойным домовитым заботам. Здесь другие заботы, горечи в них больше, суеты, тяжести… Ах, тяжело. Но ничего не поделаешь. Бог его привел на митрополичий двор, Бог и рассудит, как ему лучше быть. Надо лишь слушать Его, видеть знаки Его воли да покоряться.

К власти митрополичьей Филипп не стремился и не желал ее нимало. Он откровенно писал на Соловки: «Меня принудили…» А Житие Филиппа донесло фразу, сказанную им Ивану Васильевичу незадолго до возведения на митрополию: «Отпусти меня, Господа ради, отпусти! Ведь ненадежное дело – вручать малой лодочке великий груз»{ «Понеж лодии мале бремя велико вручити не твердо есть».}.

Последнее письмо митрополита отправилось к далеким северным островам 30 января 1568 года. В ту пору Филипп переживал тяжелые дни. Ссора с царем набирала силу, слова обличения уже были произнесены. Милые маленькие заботы обители, стоящей посреди соленой купели Белого моря, дают последнее убежище его душе, измученной большими заботами Русской Церкви. Филиппу приходится трудно, его отношения с Иваном IV к тому времени крепко испорчены. Но простых иноков, старых своих товарищей, он ни словом не втягивает в конфликт и даже не посвящает в него. Как в первых грамотах митрополит просит братию молиться за царя и его семью, так и в последней.

Казалось бы, после кровавого кошмара, который Филипп увидел тогда, рука не поднимется написать привычные слова… Да, если это рука обычного человека. А Филипп давно научился избегать смятения чувств. Конечно, человек с царским венцом на голове может быть хорош или плох. Но государева власть имеет священный характер, и митрополит чтит ее, даже видя грехи ее носителя.

Опричная смута

Что сохранилось от Филиппа в памяти потомков? Почему он остался в истории? Мирное его архиерейское служение не известно никому, кроме специалистов по истории Церкви. Вся его жизнь с ее монашескими трудами и хозяйственными заботами оказалась предуготовлением к подвигу, совершенному на склоне лет.

Главные события его жизни связаны с восстанием против опричнины.

Автор этих строк видит в опричнине военно-административную реформу, притом реформу неудавшуюся. Она была вызвана общей сложностью военного управления в Московском государстве, и в частности «спазмом» неудач на Ливонском театре военных действий. Опричнина представляла собой набор чрезвычайных мер, предназначенных для того, чтобы упростить военное управление, сделать его полностью и безоговорочно подконтрольным государю, а также обеспечить успешное продолжение войны. В частности, важной целью было создание крепкого «офицерского корпуса», независимого от самовластной и амбициозной верхушки служилой аристократии. Туда-то и рекрутировались представители старомосковского боярства. Борьба с «изменами», как иллюзорными, так и реальными, была изначально второстепенным направлением действий. Лишь с момента сведения митрополита Филиппа с кафедры и начала Федоровского «дела» она разрослась, приобретя гипертрофированные масштабы. Отменена же была опричнина, поскольку боеспособность вооруженных сил России она не повысила, как задумывалось, а, напротив, понизила и привела к катастрофическим последствиям. В частности, к сожжению Москвы татарами в 1571 году.

Итак, введение опричнины датируется январем 1565 года.

Важно помнить: политика ранней опричнины (1565–1567 годы) обходилась без масштабных репрессий. Они стали нормой позднее.

До 1565 года Иван IV делил власть над страной с влиятельными родами высшей аристократии. Ему весьма затруднительно было задействовать какой-либо экономический, политический или военный ресурс, если они оказывали сплоченное сопротивление. Но вот из состава единой державы выделился «государев удел», где царь мог всевластно распоряжаться всем и всеми. Иными словами, у него появились

ресурсы для оперативного использования. Прежде всего, опричное землевладение, которым обеспечивались служилые люди из опричного боевого корпуса. И масштабный террор в картину военно-политической реформы не вписывался, он попросту не был нужен. Людей наиболее неугодных царь подверг смертной казни в первые же месяцы опричнины, но их насчитывалось немного – всего пятеро. Среди них, правда, оказался весьма популярный военачальник, герой Казани, князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский. Зато вскоре освободили из заключения князя М.И. Воротынского, такого же героя «казанского взятия», позднее проштрафившегося на ратном поле. Царь принял курс лавирования по отношению к служилой знати. Иван Васильевич не шел пока на трагическое обострение конфликта с нею. Он показывал: кого-то казню, а кого-то, не менее достойного, жалую…

Именно такова причина, по которой год с лишним между государем и митрополитом не было вражды из-за опричных дел. Всё это время большая кровь не лилась, великая жестокость еще не вышла на арену. А значит, дух любви оставался в русском обществе.

Между тем недовольство опричниной постепенно росло. Высшая княжеская знать возмущалась тем, что ее оттеснили от важнейших государственных дел. Да и тем, что на военных постах получили продвижение более худородные семейства. На рода Басмановых-Плещеевых, Вяземских, Телятевских, Черкасских, оказавшихся на вершине опричной пирамиды, смотрели с завистью: как же так? Почему они – выше всех?! Не рвань, конечно, подзаборная, но найдутся люди и познатнее! Не только знать, но все дворянство в целом было задето земельной политикой опричнины. Чтобы добыть большие поместья в удобных местах для офицеров опричного корпуса, Иван IV принялся сгонять прежних владельцев земельных владений. Великое множество дворян – как богатых, так и совершенно незаметных по своему имущественному уровню – отправились в «казанскую ссылку». Там их держали в отвратительных условиях до тех пор, пока опричные слуги царя не «освоили» их усадьбы, пока новые хозяева не завладели прочно их поместьями. Затем подавляющее большинство ссыльных вернулось в центральные районы России, получив земельные «дачи» взамен старых владений. Как правило, то, что им доставалось, оказывалось намного хуже того, что у них раньше было.

В Москве происходили антиопричные выступления. Одно из них падает на 1566 год, самое начало митрополичьего правления Филиппа. Другое относится к 1568 году; не все историки

согласны в том, что оно действительно имело место. Но уж первое точно прошло прямо перед глазами главы Русской Церкви.

И произвело на него неизгладимое впечатление…

За месяц до поставления Филиппа в митрополиты, 28 июня 1566 года, в Москве начались заседания большого Земского собора. Собравшиеся должны были ответить на вопрос: следует ли Московскому царству продолжить кровопролитную и разорительную войну за Ливонию или же надо договориться о мире с главнейшим врагом, Польско-Литовским государством, и отказаться от новых территориальных приобретений. Сохранение статус-кво, т. е. оставления всех территорий, занятых русскими и литовскими войсками, за Москвой и Вильно, давало России возможность как минимум заключить длительное перемирие с литовцами. Иными словами, получить желанную передышку. А может быть, удалось бы добиться и «вечного мира». С другой стороны, продолжение войны давало перспективу захватить всю Ливонию. В Москве тогда считали, что сил для этого хватит: литовцы находились не в лучшем положении… Впрочем, литовские послы предлагали куда менее выгодные для России условия перемирия; тех условий, о которых здесь говорится, требовалось еще добиться в ходе переговоров.

В столице тогда собрались, помимо членов Боярской думы и глав крупнейших ведомств, многие церковные иерархи, дворяне, «приказные люди», богатейшие московские и смоленские купцы. 2 июля Собор принял итоговый документ – «приговорную грамоту». Общий смысл ее виден в нескольких фразах: за ливонские города «…государю стояти крепко, а мы, холопи его, для его государева дела готовы».

Однако вскоре по окончании Собора его участники выступили против опричнины. Перед государем легла коллективная челобитная, где говорилось: «Не достоит сему быти». Видимо, служилая аристократия и дворянство собрали сильную группу: челобитчиков сошлось около 300 человек. И всё это – «служилые люди по отечеству», т. е. вооруженные, опытные в военных делах бойцы.

Царь пришел в ярость, велел схватить зачинщиков и казнить их. Голов лишились трое лидеров антиопричной оппозиции: князь В.Ф. Рыбин-Пронский, И.М. Карамышев и К.С. Бундов. Возможно, вместе с ними предали смерти и других «активистов» из числа челобитчиков, но тут свидетельства источников менее надежны. Кое-кто из ближайших сторонников казненной троицы отведал палок, остальных держали под замком несколько дней, а потом отпустили.

Так вот, дворянско-аристократическое выступление за отмену опричных порядков состоялось в июле 1566 года. Тогда же и Филипп взошел на митрополию. Он прибыл в столицу между 2 и 20 июля: на соборных заседаниях он не присутствовал, а 20-го возник документ, явно связанный с действиями противников опричнины. Это «приговор» об избрании Филиппа митрополитом. Он рассказывает, среди прочего, о том, что игумен Соловецкий потребовал у царя отменить опричнину. Более того, Филипп, оказывается, грозил даже отвергнуть решение архиереев, избирающих его на митрополию, если царь не уступит ему. Он сказал в лицо Ивану Грозному: «А не оставит царь и великий князь опришнины, и ему в митрополитех бытии не возможно; а хотя его и поставят в митрополиты, и ему за тем митрополью оставить».

Трудно не сопоставить два события одного ряда: и участник Земского собора, и претендент на митрополичью кафедру в одно и то же время выступают с одинаковым требованием. Очевидно, разговор Филиппа с царем и подача коллективной челобитной недалеко отстояли друг от друга по времени. То ли настоятель островной обители решил поддержать челобитчиков, то ли челобитчики, узнав о словах Филиппа, исполнились решимости добиться своего. Скорее – первое. Прибыв издалека, Филипп немногое знал об опричнине, особенно о том, что происходило в Москве. Единодушное выступление множества дворян должно было привлечь его внимание. Оказавшись в окружении высшего духовенства, Филипп должен был сразу же узнать о неладах между митрополитом Афанасием и царем, а значит, и об их причине; мотив столкновения между государем и главой Церкви выходил очень созвучным мелодии коллективной челобитной. Как видно, он близко к сердцу принял дело Афанасия – как дело всей Церкви. А потом счел необходимым вступиться за челобитчиков. Быть может, именно ему обязаны жизнью и свободой те, кого сначала арестовали, а потом выпустили…

В этот момент царь увидел: серьезная проблема постепенно перерастает в неразрешимую. Кто, сколько человек готовы и дальше выступать против опричнины? В соединении с духовным авторитетом Церкви антиопричная оппозиция становилась серьезной силой…

Царь сердился на Филиппа. Однако за Соловецкого игумена вступился весь Освященный собор во главе с тремя архиепископами: Новгородским Пименом, Казанским Германом и Ростовским Никандром. Современный историк В.А. Колобков метко высказался по этому поводу: «Игумен Соловецкого монастыря в своем требовании высказал общее желание

церковного руководства. Неудивительно, что Освященный собор оказал ему безусловную поддержку».

Тогда Иван IV «пожаловал» Филиппа: «гнев свой отложил».

Если взглянуть на ситуацию, сложившуюся в июле 1566 года, то дух захватывает от необыкновенного мужества Филиппа. Кто он такой? У себя на Соловках Филипп играл роль хозяина архипелага, верховного распорядителя во всех делах. Но сюда, в Москву, он явился как игумен не столь уж крупной обители у дальнего предела Царства. Тут он был никто. Ему пообещали место главы Церкви, а он вместо покорной благодарности принялся ставить условия. Мог Иван IV воспротивиться поставлению Филиппа в митрополиты по-настоящему, всерьез? Мог. Но Филипп не стремился к высшей власти духовной и не опасался лишиться ее. Мог Иван Васильевич, не удержав гнева, сослать его в дальнюю обитель? Мог. Да только игумен Соловецкий прожил в такой обители десятилетия и считал подобную жизнь лучшим, к чему мог стремиться монах. А мог ли государь казнить его за неповиновение – заодно с тремя лидерами антиопричной оппозиции? Мог. Настанет время, когда многие настоятели русских монастырей лишатся жизни по его приказу. Но для Филиппа жизнь души оказалась важнее жизни тела. Туда, в посмертье, он хотел бы прийти чистым; всё равно когда – через год, через десять лет или завтра на рассвете… А значит, государь мог яриться на него сколько угодно, не имея, однако, инструментов для приведения строптивого игумена к покорности.

Опричнину Иван IV отменять не собирался. Она еще не проявила себя на деле. Опричный боевой корпус не участвовал ни в одном большом сражении. Мощный военно-политический ресурс, полученный государем, пока не привел ни к чему, кроме недовольства в обществе. Рано, – казалось Ивану Васильевичу, – рано отменять. Еще опричные соколы вознесут царские знамена на стены ливонских городов, еще заплачут крымские вдовицы, узнав о смерти мужей от их острых сабель…

И государь пошел на компромисс. Он вернул Церкви право совета, иными словами, печалования об опальных, отпустил арестованных оппозиционеров, но закрыл от будущего митрополита сферу дел, связанных с опричниной. Филиппу было четко сказано: не стоит ждать отставки опричнины. Вот формулировка соглашения, вошедшая в «приговор»: «А по поставленьи бы, несмотря на то, что царь и великий князь опричнины не оставил и в домовый обиход митрополиту вступаться не велел, игумен Филипп митрополью не оставил бы, а советовал бы с царем и великим князем, как прежние

митрополиты советовали с отцем его великим князем Васильем и з дедом его великим князем Иваном».

Что здесь существенно? «Приговор» запрещал Филиппу вернуться к теме опричнины позднее. Значит, когда он опять примется увещевать царя и просить его покончить с опричными порядками, то условия соглашения вроде бы будут нарушены… если только сам царь раньше не нарушит их. Зато теперь Филипп не мог воспользоваться тем же выходом, что и Афанасий, – покинуть митрополичью кафедру.

Взамен новый митрополит получил немало. Право «совета» с царем и «печалования» о тех, на кого он разгневался, составляло естественную принадлежность главы Церкви. При Афанасии указ о введении опричнины поставил это под сомнение. Но Филипп вновь утвердил норму.

В день поставления на митрополию Филипп обратился к царю и царевичу с поучительным словом. Из него видно со всей отчетливостью, почему Филипп с самого начала, с первых дней появления в Москве, проявлял по отношению к царю такую суровость и требовательность. Он и государю хотел внушить мысль, насколько внимателен Бог ко всему, что делает человек. А следовательно, до какой степени зависит судьба царя от того, будет ли он «доброчестен», благочестив.

Житие сохранило пересказ этой речи, обращенной к Ивану Васильевичу{ Трудно сказать, насколько житийное изложение точно. По всей видимости, Житие передает основной смысл речений Филиппа (что видно в соспоставлении с другими источниками), но, разумеется, на дословное воспроизведение рассчитывать не приходится. По мнению некоторых современных историков, составитель Жития, пересказывая речи Филиппа, черпал щедрой рукой высказывания из популярного на Руси «Поучения благого царства» Агапита-дьякона, а также из Жития и сочинений Иоанна Златоуста. Но на это может быть и принципиально иной взгляд: сам Филипп должен был знать Иоанновы и Агапитовы словеса, а значит, имел возможность использовать их в своих речах. Очень вероятно и то, что составитель Жития также использовал «Житие Герасима Болдинского» и «Житие Зосимы и Савватия Соловецких» в качестве литературных образцов. Но это ничего принципиального в жизнеописании святителя Филиппа не меняет.}: «Сколь великим благом сподобил тебя Бог, столь же большим ты должен ему воздать. Отдай долг благохваления, приняв долг, как дар… Благохваления же Он просит от нас не в виде благих бесед, но в виде приношения благих дел. Высота земного царствования делает тебя несопоставимым с людьми, так

будь же кроток с подвластными тебе ради власти, которая еще выше. Отверзай уши для тех, кто страждет в нищете, тогда и Бог услышит твои прошения. Каковы мы бываем с нашими клевретами, таков будет и нам Владыка. Как бодрствует всегда кормчий, так и царский многоочитый ум – держись же твердо правил доброго закона, крепко иссушай потоки беззакония, да корабль всемирной жизни не погрязнет волнами неправды. Принимай тех, кто хочет совершить благое, а не тех, кто всегда творит ласкание. Ведь одни ищут пользы дела, а другие смотрят, как бы угодить власть имущим. Больше всей славы царствия украшает царя венец доброчестия. Честно ваше царствие вправду, если воинственным показывает власть, а покорным дает человеколюбие. Чужих оно силой оружия побеждает, от своих же невооруженной любовью побеждается. Грех – не возбранять согрешающим, ведь тогда те, кто живет законно, присоединяется к живущим беззаконно. Осуждается от Бога тот, кто оказался вместе со злыми. Если же хочешь правильно действовать и с теми и с другими, то чти добротворящих и запрещай злотворящим. За православную веру стой твердо и непоколебимо, гнилые еретические учения удобно отрясая. Мудрости, которую подобает держать твердо, научили нас апостолы и божественные отцы. В этой истинной мудрости пребывая, руководи теми, кто поставлен под тобою».

В поучительном слове Филиппа слышны отголоски споров об опричнине. Чего требует митрополит от царя? «Иссушать потоки беззакония». В этом можно увидеть недобрую ситуацию, возникшую из судебной льготы для опричников, пользовавшихся ею для обогащения. Не подпадать под влияние ласкателей, угождающих власть имущим. Очевидно, имеются в виду опричные советники Ивана IV. Стоять твердо за православную веру и гнать ереси. Что же, тут у митрополита не было никаких разноречий с царем. Наконец, наказывая согрешающих, проявлять человеколюбие к покорным, чтить добротворящих. И здесь, пожалуй, содержится суть всего высказывания. Филипп дает понять это, заговорив о «венце доброчестия», украшающем царя больше чего бы то ни было другого. Митрополит говорит Ивану Васильевичу: каждый человек, попавший в поле зрения государя, достоин того, чтобы с оценкой его деяний не спешили. Кто он? «Живущий беззаконно»? Или «добротворящий»? Нужна любовь, чтобы дойти до истины. Одной «грозы» мало, и честен царь, если он «побеждается любовью» к своим подданным, когда они не оказались «со злыми».

В сущности, это очень мягкое увещевание, очень доб рый совет. Филипп ничем не уязвил страстей государевых.

Житие сообщает о том, что «благочестивый царь», приняв от святителя «такое благоутешительное поучение», повиновался митрополиту «с правостию душевною». Собственно, выше уже говорилось: как минимум год между государем и митрополитом были мир и согласие.

Разрыву способствовал запах большой крови. Его можно было явственно обонять с конца 1567-го – начала 1568 года. А появился он в связи с так называемым «делом Федорова».

Боярин Иван Петрович Федоров-Челяднин принадлежал к числу знатнейших людей в среде старомосковского боярства. К тому же он считался одним из самых богатых землевладельцев Московского царства. До начала 60-х годов Федоров пользовался доверием Ивана IV. Он участвовал в делах правления на самом высоком уровне, воеводствовал в крупнейших городах России, возглавлял Конюшенный приказ.

В 1567 году его назначили полоцким воеводой. А к Полоцку Иван IV относился как к драгоценнейшей жемчужине в венце русских завоеваний. Богатый Полоцк занимал стратегически важное положение на театре военных действий. К тому же в старину он был центром самостоятельного княжества, и над ним витал ореол столичного центра. Литовцы предпринимали все возможные усилия, чтобы вернуть его – не вооруженной рукой, так с помощью дипломатов, – но тщетно. Раз Иван Петрович оказался там главным начальником, значит, ему продолжали доверять.

Именно там начались его злоключения, завершившиеся страшной смертью.

Осенью 1567 года Иван IV собрав главные силы русской армии, отправился в новый поход против литовцев. Он планировал нанести решающий удар польско-литовским силам. Сердце его не было спокойно. Он видел и чувствовал: хотя выступление антиопричной оппозиции удалось подавить, но глухое недовольство опричными порядками продолжает будоражить умы. Возобновились разговоры о возможности «сменить» монарха, благо князь Владимир Андреевич Старицкий, потомок старинных московских государей по прямой линии, жив и здоров. Иностранные источники сообщают о том, что русская знать заключила соглашение («contract») с поляками против своего государя. Трудно судить, сложился ли на самом деле аристократический заговор. Однако дипломатические документы того времени донесли до нас сведения, позволяющие утвердительно говорить о каких-то переговорах с неприятелем.

Незадолго до начала похода, летом 1567 года, поляки

предлагали князьям И.Д. Бельскому, И.Ф. Мстиславскому, М.И. Воротынскому и боярину И.П. Федорову перейти на их сторону. Причем в некоторых случаях речь шла об отторжении русских земель и совместных боевых действиях против Ивана IV. Что это было? Масштабный военно-политический проект? Или характерная для того времени игра с фальшивыми письмами? Поляки поставили на беспроигрышный вариант: либо удастся «подставить» Ивану IV лучших его воевод, либо кто-то из них (хотя бы один!) согласится с предложенными условиями и сыграет роль суперагента в стане московского государя. Царь, в распоряжение которого эти послания попали, игру противника раскусил. В измену «столпов царства» он не поверил. Во всяком случае, пока. От имени адресатов Иван IV отправляет ответные письма, осыпая врага колкими насмешками. Например, послание псевдо-Федорова королю Сигизмунду II Августу содержало следующие слова: «…Я уже человек немолодой, и недолго проживу, предав государя своего и учинив лихо над собственной душой. Ходить вместе с твоими войсками в походы я не смогу, а в спальню твою с курвами ходить – ноги не служат, да и скоморошеством потешать не учен. Так что мне в твоем государском хотении?»

Но у царя оставался повод для беспокойства. Все ли письма были перехвачены? Все ли русские адресаты возжелали проявить лояльность к своему государю? Ведь отношения между ним и служилой аристократией оставляли желать лучшего! Несколько княжеских и боярских родов «обязаны» были Ивану Васильевичу казнью своих представителей (Шуйские, Пронские, Горенские, Кубенские, Трубецкие, Воронцовы, возможно, Хилковы и Палецкие). Да и те же четыре военачальника, которым были направлены послания поляков, – не возникло ли у них желания, явно «сдав» переписку, в тайне подготовить переворот?

В августе 1567 года царь тайно встречался с представителем английской короны Энтони Дженкинсоном. Иван Васильевич интересовался щекотливым вопросом: может ли он в случае «беды», т. е. заговора или мятежа, рассчитывать на политическое убежище в Англии?

Той же осенью 1567 года польско-литовская армия во главе с королем сосредоточилась в южной Белоруссии для нанесения контрудара наступающим русским полкам, но бездействовала. Откуда у поляков появились сведения о готовящемся наступлении в Ливонию? Не было ли у них надежды использовать замешательство в нашем лагере, возникшее в результате чаемого переворота, и разбить русскую ударную группировку? Или отбить Полоцк, в котором как раз сидел первым воеводой Иван Петрович

Федоров? Поневоле Иван IV должен был обеспокоиться и судьбой наступательной операции, и своей собственной.

И тут он получает известия, вроде бы свидетельствующие о большой аристократической интриге. Записки иностранцев сообщают: князь Владимир Андреевич Старицкий предоставил царю список из 30 знатных людей, склонявшихся к заговору, и, возможно, другие бумаги, способные их скомпрометировать как изменников. В тот момент войска собрались в районе Ршанского яма и должны были отправиться под Ригу. Но в середине ноября царь отменяет поход и распускает ударную армию. Он знает о сосредоточении вражеских войск намного южнее – при желании поляки могли ударить в тыл наступающей армии Ивана IV и даже отрезать ее от Москвы. Он видит перед собой список людей, если и не вступивших в заговор, то находящихся на полпути к этому. Он знает о выжидательной тактике противника, так и не предпринявшего никаких наступательных действий. Он отменяет поход и узнает, что армия Сигизмунда II Августа тоже отходит. Это подтверждает худшие опасения государя: поляки отказались от военного столкновения, как только выгодная ситуация «рассосалась». Поведение поляков ясно показало – некое лицо или лица в среде военного руководства дали им повод для подобного рода действий и снабдили сведениями о планах русского командования. Заговор это был или просто среди наших появился иуда, сказать невозможно. Но только никто никогда не собирал армий ради бездействия…

История «заговора» досконально изучена несколькими поколениями историков. Подняты все возможные источники, проанализирована каждая строка. Тем не менее приходится сделать вывод: мы не знаем, существовал ли заговор в действительности. Некоторые свидетельства прямым текстом говорят о его наличии, другие столь же прямо его отрицают. Поляки явно предпринимали усилия, чтобы найти сторонников в русском лагере или хотя бы нанести России ущерб, бросив тень подозрения на крупных военачальников. Насколько первое их намерение увенчалось успехом, судить трудно. Что же касается второго, то тут они в конечном итоге преуспели… Одно можно сказать совершенно точно: у Ивана IV появились сильнейшие основания подозревать собственную служилую знать в измене. Он получил какие-то компрометирующие бумаги во время большого похода, и странные маневры неприятельской армии навели его на мысли о худшем.

Зная эмоциональный характер Ивана IV, следовало ожидать настоящей бури. Так и произошло. Расследование обстоятельств дел поставило в центр его боярина Федорова-Челяднина. На него

уже обрушивалась опала в 40-х годах, но затем высокое положение Ивана Петровича было восстановлено. Вероятно, он надеялся, что ничего худшего с ним уже не произойдет…

Он был вызван в Москву с воеводства и принужден выплатить громадный штраф. Разоренного боярина сослали в Коломну. Однако затем его арестовали и вернули в столицу. В итоге жизнь Федорова-Челяднина закончилась трагически. Однажды боярина отвели к Ивану IV в палаты. Там, по велению государя, Иван Петрович должен был облачиться в царские одежды и сесть в тронное кресло. Царь, глумясь, встал перед ним на колени и спросил, доволен ли он, заняв государево место, получив всё, о чем мечтал? А затем воскликнул: «Наслаждайся владычеством, которого жаждал!» Затем Иван IV собственноручно зарезал боярина, а тело его велел протащить с позором по Москве и бросить в навозную яму. С его семьей также расправились. Жену Федорова-Челяднина то ли убили, то ли насильно постригли в монахини.

Но вот какая деталь: Иван Грозный прервал поход и вернулся в Москву в конце 1567 года – ноябрь шел к исходу. Тогда и началось следствие о заговоре знати. Однако Федоров-Челяднин расстался с жизнью лишь осенью 1568 года. Иными словами, примерно через год. Митрополит Филипп к тому времени уже оказался на церковном «суде», а затем лишился сана. Таким образом, его конфликт с царем из-за опричнины начался не с казни боярина. Нет, не с казни.

А с «расследования».

Оно длилось на протяжении многих месяцев и сопровождалось сценами, от которых кровь стынет в жилах. Московским государям и раньше приходилось проявлять крайнюю суровость. При Василии II Темном знать подвергалась казням, при Иване III Великом пылали костры, на которых жгли еретиков. Однако массовые репрессии 1568 года сравнить просто не с чем. Прежде ничего подобного не случалось.

Что такое казнь одного вельможи? Либо заслуженное наказание, павшее на голову изменника, либо «судебная ошибка» царя. Горькая, жуткая, но… понятная, если вспомнить все обстоятельства осени 1567 года.

К тому же право московского государя казнить любого из подданных не имело законодательных ограничений. Снимая голову с аристократа, царь не нарушал никаких законов.

А вот ужасы «расследования» не лезут ни в какие ворота.

Пусть говорят бесстрастные строки источников. Они скажут больше, чем самые громкие вопли и самый горький плач.

Итак, вот отрывки из синодика, куда включены имена

казненных в опале при Иване IV. Цитируются списки людей, принявших смерть по делу о «земском заговоре», или, иначе, «делу Федорова»:

«Ивановы люди Петрова Федорова: Смироной Кирьянов, дьяк Семен Антонов, татарин Янтуган Бахмет, Иван Лукин, Богдан Трофимов, Михаил Цыбневский, Труха Ефремов, Ортем седельник – в коломенских селах Григорий Ловчиков{ Видный опричник, высокопоставленный вельможа Ивана Грозного.} отделал (прикончил. – *Д.В.*).

Отделано Ивановых людей 20 человек.

В Губине Углу Малюта Скуратов с товарыщи отделал 30 и 9 человек.

Михаил Мазилов, Левонтий Григорьевых, Брех Кафтырев, Никита Левашев.

В Матвеищеве отделано 84 человека, да у трех человека по руке отсечено.

Григорий Кафтырев, Алексей Левашев, Севрин Баскаков, Федор Казаринов, инок Никита Казаринов, Андрей Баскаков муромец, Смирной Тетерин, Василий Тетерин, Иван Селиванов, Григорий, Иев, Василий, Михаил Тетерины, да детей их 5 человек, Осиф Тетерин, князь Данила Сицкой, Андрей Батанов, Иван Поярков-Квашнин, Никита и Семен Сабуровы, Семен Бочин.

Хозяин Тютин з женою, да 5 детей, да брат Хозяина, Иван Колычов, Иван, сын его, Иван Трусов, Никита Трофимов, Иван Ищуков-Бухарин, князь Владимир Курлятев, князь Федор Сисеев, Григорий Сидоров, Андрей Шеин, сын его Григорий и брат Алексей.

В Ивановском Большом отделано 17 человек, да у 14 человек по руке отсечено.

В Ивановском Меньшом отделано 13 человек с Исаковскою женою Заборовского и с человеком, да у семи человек по руке отделано.

В городище Чермневе отделано 3 человека.

Тевриз, да племянник его Яков.

В Суславе{ Возможно, в Суслове или Судиславле.} отделано 2 человека.

В Бежецком Верху отделано Ивановых людей 65 человек, да у 12 по руке отделано.

Андрей да Григорий Дятловы, Семен Олябьев, Федор Образцов, Иван Меншик, Иван Ларионов, князь Семен Засекин-Батышев, Иван Юрьевич Засекин-Смелый, Петр Шерефединов, Ищуков племянник Павел, Елизар Шушерин, Федор Данилович Услюмов, Дмитрий и Юрий Дементьевы, Василий Захаров з женою, да 3 сына, Василий Федчищев, Иван Большой

Пелепелицын, Иван Меньшой Пелепелицын, Григорий Перепечин, Андрей Бухарин.

Отделано 369 человек всего июля по 6-е число…»

На этом список далеко не заканчивается. Он продолжается.

Он еще очень долго продолжается.

По одному только делу о «земском заговоре»…

Вот что сообщают записки немца-опричника Генриха Штадена: «Челяднин был вызван на Москву; в Москве он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму. А великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожег по всей стране все вотчины, принадлежавшие упомянутому Ивану Петровичу. Села вместе с церквами и всем, что в них было, с иконами и церковными украшениями – были спалены. Женщин и девушек раздевали донага и в таком виде заставляли ловить по полю кур».

Где тут суд? Где тут настоящее расследование дела? Младшие командиры опричнины вершили расправу, не обладая никакими судебными полномочиями. «Дикая охота» металась по деревням и селам, без разбора снося головы правому и виноватому, жгла, убивала, насиловала. Лес рубят – щепки летят? Хороши же щепочки, когда вместе со взрослыми людьми под нож идут дети! Уничтожали тех, кто теоретически мог оказаться в помощниках у главных лиц заговора (если он был). А казнив одного, принимались за всю семью: «измену» выжигали семейными гнездами…

В декабре 1567 года состоялся Собор, в котором принял участие сам Иван Васильевич, вернувшийся из неудавшегося похода. Вал репрессий уже обозначился и постепенно нарастал. Настроение царя изменилось. Если раньше он мог пойти на компромисс, то теперь страстно желал уничтожить всех, кого считал врагами. Опричнина с 1565 года существовала в полуспящем положении. Военные силы ее участвовали в боевых действиях очень ограниченно. Карательные действия на протяжении почти трех лет бывали редки. Административный аппарат рос неспешно, управление опричными землями получило, по сравнению с земщиной, упрощенный вид. Старомосковское общество надеялось – и, должно быть, не столь уж безосновательно, – что государь всё-таки отменит опричнину. Надо полагать, у него самого могли быть колебания на этот счет. Но только не теперь.

Всё изменилось.

Опричнина вступала в новую стадию. Гораздо более жесткую.

И у Ивана Васильевича появилось, что сказать Церкви. Потому и пришлось созывать в столицу архиереев.

Помимо Филиппа на Соборе присутствует еще девять главнейших архиереев, а также настоятели монастыре и государевы думные чины. Происходит не Архиерейский собор и не Земский, а скорее Поместный, хотя и сокращенного вида.

Царь просит у Собора благословение на то, чтобы «…царство разделити и свой царский двор учинити во Александрове слободе». Собственно, царство и без того уже было разделено в 1565 году, когда учреждалась опричнина. Речь идет об углублении опричных порядков.

Во-первых, центр управления переносился с опричного двора, стоявшего в центре Москвы, рядом с Кремлем, на территорию Александровской слободы. А до нее из столицы два дня пути, как тогда считали. Иными словами, у России появился второй столичный центр. Государь и раньше бывал в Слободе, там велось обширное строительство как минимум с 1566 года. Однако теперь она из второстепенной резиденции становилась главной. Позднее на протяжении нескольких лет Иван IV жил в Слободе, а в Москве лишь бывал. В дипломатической переписке стали говорить, что царь «… государство свое правит на Москве и в Слободе». Очевидно, Иваном IV двигало желание обезопасить себя от народного выступления или заговора знати.

Во-вторых, начались массовые репрессии, пали первые жертвы. Как тут Церкви печаловаться об опальных, если опричные отряды в провинции резали всех под гребенку, кто попадался им в имениях Федорова-Челяднина и близких к нему людей? По обычаю, от опалы до казни проходило какое-то время, а тут лишь по факту казни узнавали: вот, опальный был человек… Явно, царю понадобилась полная воля в жизни и смерти подданных – настолько полная, чтобы Церковь молчала или одобряла пролитую его слугами кровь. Чтобы Церковь не вмешивалась.

В-третьих, разрастался опричный административный аппарат, отбирая у земского многие функции управления на местах, которые тот первоначально сохранил. С рубежа 1567–1568 годов опричные власти максимально обособлялись от земских.

Вот о чем объявил Иван Васильевич иерархам на Соборе. И вот на что он потребовал благословения.

Итак, сам царь «разделял» свое царство. Пройдут десятилетия, а огненная черта, проложенная по русским землям опричным разделом, всё еще будет сохраняться в сознании людей. Минет великая Смута XVII века, и даже после ее ужасов память об опричных годах не исчезнет. Мудрый историописатель XVII века дьяк Иван Тимофеев отзовется о деяниях Ивана Васильевича с печалью: «От замысла, исполненного чрезмерной ярости на своих рабов, он сделался таким, что возненавидел все

города земли своей и в гневе своем разделил единый народ на две половины, сделав как бы двоеверным, – одних приближая, а других отстраняя, оттолкнув их как чужих… всю землю своей державы он, как секирою, рассек на две половины…»

Возвращаясь к декабрьскому Собору 1567 года: на всё это Иван Васильевич потребовал у Церкви благословения. И первым лицом, которое обязано было ответствовать ему, оказался в ту пору митрополит.

Как мог Филипп благословить страшную вражду, посеянную царем, его немилосердное отношение к своему народу? Иван Васильевич топтал евангельский дух любви, не слушая никого. Какое мог ему дать Филипп на это благословение? Он, выученик строгих монахов, знал: худшие мысли, горчайшие соблазны приходят к человеку через страсти, если он не способен владеть ими. Царь, артист на троне, умнейший книжник, опытный политик, к сожалению, время от времени отпускал вожжи собственных страстей. И тогда они его несли куда ни попадя – в кровь, в злобу, в безбожие.

Как видно, в конце 1567 года преобладающими страстями в душе Ивана IV были страх и ярость. Ужас перед заговорщиками, которые теперь мерещились повсюду, понятен. Но гнев, наверное, сказался на его натуре сильнее. Филипп видел: на Ивана Васильевича нашло тяжелое помрачение. В таком состоянии его нельзя благословлять ни на что. В таком состоянии царь может лишь сокрушать Заповеди, увлекая за собой верных слуг и находя советчиков среди злейших из них.

Вся иноческая выучка Филиппа восставала против царских «новшеств». Тысячи дней, проведенных им на благословенных Соловках, тамошняя таинственная красота, прекрасное духовное братство монахов, близость Бога к очарованным островам говорили митрополиту: «Нельзя тебе становиться на эту сторону! Тут тьма, тут падение. Сколько даров ты получил от Бога! Теперь послужи Ему крепко. Настал час».

Как больно ему было, наверное, становиться против государя! Обычный порядок вещей нарушился. Царь и митрополит, люди, которым следует хранить прочное единство, принуждены были разойтись. Царь отыскал себе скверну – митрополит не последовал за ним.

Итак, узнав о намерениях Ивана IV, Филипп посовещался с епископами, и они договорились «против такого начинания стояти крепце». Но один из архиереев, страдая славолюбием, сообщил царю об их «общем совете». А когда пришло время держаться заодно, многие «отпали» от своего прежнего намерения. На Соборе некоторые иерархи «страха ради глаголати

не смеяху», в то время как другие молчали, «желающе славы мира сего». Никто не посмел подступиться к царю с речами, которые шли бы вразрез с его новым настроением. Тогда один Филипп высказался за всех.

Вот его слова в некотором сокращении: «О царь! От наших отцов мы унаследовали обычай чтить царя и более всего почитать в нем благоразумие. Престань от такого неугодного начинания!.. Встань крепко на камне веры… Подражай добродетелям, ими же и отец твой царь и великий князь Василий возвысился, благочестием сияя, смирением и любовью. Просветись лучом Божественного Духа, желанием добродетелей! Назидай правой твоей вере деяния благие и жития честность… Люби всех единоплеменных тебе, как самого себя…» Филипп напомнил Ивану Васильевичу о том, что Заповеди требуют любить ближнего, о том, что еще апостол Павел говорил: «Любовь долго терпит, не радуется о неправде», – и добавил: «Вера… совершается любовью».

Пастырское наставление было мягким. Глава Церкви не обличал государя, ни в чем не обвинял его и не метал громы, но лишь тихо возводил любовь на высокий пьедестал. Он просил царя отказаться от «неугодного начинания», поскольку в этом начинании не усмотрел любви.

Казалось бы, соглашение, заключенное между царем и Филиппом в июле 1566 года, нарушено. Митрополит «вступился» в опричнину. Но ведь и царь, обещавший «советовать» с главой Церкви, начал казни, не слушая его. Выходит, Иван Васильевич первым перестал принимать в расчет договоренности, зафиксированные в «приговоре» 1566 года. Тем самым он снял печать с уст Филиппа.

Грозные слова приберег Филипп на собравшихся архиереев. Им пришлось выслушать гораздо более неприятные вещи, чем царю. Митрополит укорял их: «О том ли мы договаривались, чтобы молчать? Чего боитесь, если хотите сказать правду? Ваше молчание влагает царскую душу в грех, ваши собственные души – в горшую погибель, а православие обрекает на скорбь и на смущение! К чему вам тленная слава? Никакой сан мира сего не избавит вас от вечных мук, если вы переступите через Заповедь Христову. Нам следует иметь истинное тщание – духовно печься о бессмертной душе благочестивого царя и о смирении всего православного христианства. На что вы смотрите? На то, как молчит весь царский синклит? Его молчать обязывают купли житейские и вожделения тленного мира. Нас же Господь от всего тленного освободил. Сами знаете: мы поставлены на то, чтобы блюсти истину. Тем, кто хочет венчаться небесным венцом, надо

душу свою положить за порученное стадо Христово. Знаете же: если же об истине умолчите, то в Судный день спросят с вас за всех, кто был вам поручен Духом Святым. Умолчавшим об истине не будет нашего смиренного благословения, и от славы своей изринуты будете. Сокрушит Господь глаголющих неправду!»

Архиереи смутились. Однако затем между ними начался разговор о том, что царя следует слушать, не гневить и творить его волю, не рассуждая о «благости» его дел. Так говорил Пимен, архиепископ Новгородский. Не отставали от него епископы Пафнутий Суздальский и Филофей Рязанский. Но в роли худшего врага митрополиту выступил царский духовник Евстафий, благовещенский протопоп. Житие доносит отголоски затяжного конфликта. Оказывается, Евстафий был «в запрещении», которое «по правилом» наложил на него Филипп. Будучи ближайшим к государю человеком изо всего духовенства, он тайно и явно возносил хулу на Филиппа. Быть может, запрет на вмешательство в «домовый обиход» Ивана Васильевича, вошедший в «приговор» об избрании Филиппа на митрополию, касался именно его, Евстафия. Вероятно, Филипп, видя дурное влияние этого человека на государя, желал его убрать от царской особы, а Иван IV не позволил митрополиту решать, кто достоин быть его духовником… Так или иначе, на Соборе протопоп выступил как активный противник Филиппа.

Открыто поддержал Филиппа только Герман, архиепископ Казанский. Но если бы даже Филипп остался в полном одиночестве, то не отступил бы.

Иван Васильевич, видя такое двоемыслие среди высших иерархов Церкви, отнюдь не склонился к милосердию. Напротив, ярость его только усилилась. Автор Жития дал происходящему емкую формулировку: «И был царь гневен на святого».

Не получив благословения, Иван Васильевич все же провел запланированные изменения в управленческом аппарате опричнины и обосновался в Александровской слободе. От жестоких массовых репрессий царь также не отказался, они продолжались на протяжении всего 1568 года.

«Разделение царства» произошло.

Но благодаря твердости митрополита Филиппа Церковь вышла из сложной ситуации, не замаравшись опричным действом. А значит, в русском народе сохранилась духовная крепость. Соблазны мирского возвышения, поколебав ее, все же не разрушили.

И царь, и митрополит продолжали стоять на своем. А значит, конфликт их мог только углубляться.

Иван Грозный отправился в Александровскую слободу –

обживаться всерьез, делать из нее реальный административный центр.

Прошло «довольно времени» с тех пор, как закончился декабрьский Собор 1567 года. Иван Васильевич явился из Александровской слободы в Москву в окружении опричного воинства. Государь с опричниками зашел в Успенский собор, где служил тогда митрополит Филипп. Некоторые так и зашли – с обнаженным оружием в руках. Митрополит, видя такое «свирепство» и нимало не убоявшись его, произнес проповедь, где звучали прямые укоризны в адрес царя – в отличие от прежних мягких увещеваний.

Молва о походах царя с опричными отрядами по имениям Федорова-Челяднина и о блудных «подвигах», как видно, открыла Филиппу немало печального. Он сказал, что государь естеством подобен человеку, а «властью сана» – Богу, поскольку выше той власти на земле ничего нет. Как и всякому смертному, не следует ему «возноситься», но как Богу, неуместно ему гневаться. Филипп обратился к Ивану Васильевичу с просьбой отставить «многолетное… к миру негодование напрасное». Иными словами, он выразил сомнение в том, что среди земцев действительно существует какой-то заговор; если же и существует, напрасно царь переносит свое «негодование» с небольшого количества его участников на русский православный «мир». Далее прозвучали слова горькие, но правдивые: «Воистину тот сможет называть себя властелином, кто владеет собой и не подвержен рабству со стороны нелепой похоти. Имея в помощниках непобедимого самодержца – благоверный ум, он побеждает всетомительную похоть оружием целомудрия! Не бывало того ни у нас при твоих предках, ни у других народов, чтобы благочестивый царь возмущал собственную державу!»

Такого Иван Васильевич не ожидал. Между ним и отважным митрополитом произошел диалог, полный трагизма. Государь рокотал, будто девятый вал, налетающий на скалу:

– Что тебе, чернецу, за дело до наших царских советов? Или ты не знаешь, что меня мои же хотят поглотить?

Митрополит, которого обозвали «чернецом», спокойно отстаивает достоинство собственного сана:

– Я для Христа чернец. А для тебя, благочестивого царя, по твоему царскому изволению, а более того – по Заповеди Христовой, отец и учитель. И мы вместе с тобой должны иметь попечение о православии – как Божьи слуги.

Царь едва удерживает себя от впадения в неистовство. Его артистическая натура не терпит, когда кто-то публично выступает

с укорами. Это воспринимается Иваном Васильевичем так, как может оперная прима воспринять неодобрительные слова критика, поднявшегося на сцену после бенефисного спектакля. Сжав зубы, он цедит:

– Единственный раз говорю тебе, владыка, умолкни об этом. А меня на это дело благослови по моему изволению.

Но Филипп вновь отказывает государю в благословении – при всей свите:

– Ни-ни. Никак не могу благословить тебя на такое. Мы, государь, тебе не изменники. Но суд сотвори праведен и истинен, а клеветников сыщи и обличи. Тех, кто советует тебе неправедное, оторви от себя, как гнилой уд, и людей своих устрой в соединении.

Иван Грозный теряет над собой контроль и кричит:

– Филипп! Не прекословь державе нашей! Да не постигнет тебя мой гнев, или сан оставь!

Филипп отвечает в непоколебимом покое, но с прохладой в голосе:

– Благочестивый царь! Я получил свою власть, не прося об этом. Я не отправлял к тебе ходатаев ради нее и никому не давал за нее мзды. Зачем ты лишил меня пустыни и отцов, если решил нарушать каноны? Делай что хочешь. Мне же, столкнувшись с испытанием, не подобает ослабевать.

Житие заключает сцену в Успенском соборе словами: «Царь же ушел к себе в палаты в великом размышлении, на святого гневен».

Трагедия массовых репрессий продолжилась, население жестоко страдало от опричного суда «не по правде».

Нет возможности точно сказать, какого числа и даже в каком месяце произошло бурное объяснение главы духовной власти с главою власти светской. Его можно датировать лишь приблизительно: с середины января по первую половину марта 1568 года. Скорее всего, в январе.

Опричная свита государя не могла оставить без последствий слова Филиппа. Ее вожаки ходили к царю «воздвигать ков» против митрополита. Особенно старались двое: Малюта Скуратов и Василий Грязной. У обоих для этого был прямой корыстный интерес.

Кто вошел в состав опричных верхов? В основном старомосковская знать из боярских родов – Плещеевы, Колычевы-Умные, да еще люди попроще, но тоже из «родословных» семейств – Нащокины, Волынские. К ним царь присоединил несколько второстепенных княжеских семей (Вяземские, Телятевские), лишенных возможности тягаться с «великими

людьми», вроде Шуйских, Мстиславских, Бельских и т. п. Конечно, большинству опричнина принесла возвышение. Но и без нее они были не последними людьми в Московском государстве. Многие ходили в воеводах, некоторые заседали в Боярской думе, кое-кто выполнял дипломатические поручения. Одним словом, сгинь опричнина в одночасье, и они, понеся потери в чинах, не пропали бы. Другое дело – несколько людей крайне незначительных, незнатных, бедных, ни в чем славном не про явивших себя на поле боя и в административной службе. Этих Иван IV взял «от гноища». И на протяжении всего опричного периода они, кстати, не показали особенных талантов ни на войне, ни в делах мирного правления. По большей части такие люди возвысились в роли верных «исполнителей», в первую очередь карателей. Иван Васильевич, ценя услуги подобных выдвиженцев, берег их от унижения в местнических спорах со знатью, но никогда не равнял с нею. В его глазах это были превосходные псы – скорые, хваткие, зубастые. Но пусть и хороша собака, не сажать же ее за один стол с людьми? Малюта Скуратов до опричнины был никто – выходец из мелких провинциальных вотчинников, звенигородцев. Василий Грязной – птица того же полета, только корни его уходят в ростовскую землю. Его родня служила у архиепископов Ростовских, что считалось в военно-служилой среде невеликой честью. Сам он был «мало не в охотниках с собаками» у князей Пенинских. Обращаясь в послании к Василию Грязному, хваставшемуся в плену у крымских татар своим положением приближенного к царю, Иван IV резонно замечает: «А что сказываешься великий человек – ино… по грехом моим учинилось (и нам того как утаити?), что отца нашего и наши князья и бояре нам учали изменяти, и мы вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды».

А теперь стоит представить себе, каково пришлось бы Грязным, Скуратовым и иже с ними, если бы Иван IV послушался митрополита Филиппа и решил отменить опричнину? О, да рухнула бы вся карьера! Им пришлось бы вернуться в ничтожество, в бедность… Они постарались сделать все, чтобы очернить митрополита в глазах царя и отвести от Ивана Васильевича любые мысли о расформировании опричного двора с опричным войском.

Немцы-опричники Таубе и Крузе в то время стояли близко к Ивану IV. Они знали многое, и их свидетельства в частностях подтверждают достоверность Жития. Так, например, никто не может ручаться за точность речей Филиппа в житийном изложении. Однако их общий смысл по Житию совпадает с пересказом Таубе и Крузе. Что, конечно, подтверждает их

достоверность. Те же Таубе и Крузе донесли до нашего времени одну важную деталь. Оказывается, митрополит Филипп далеко не сразу вступил с Иваном Васильевичем в публичные споры. Новый Завет передает слова апостола Павла о том, как следует обличать единоверца, упорствующего в заблуждениях. Там ясно сказано: на первый раз следует ограничиться тайным увещеванием, с глазу на глаз, и только потом, если это не принесло успеха, позволительно прилюдное обличение. Глава Русской Церкви, разумеется, не мог не знать этого правила. Поэтому сначала он обратился к Ивану IV без свидетелей. Таубе и Крузе уверенно говорят, что душевные свойства Филиппа заставили его «…уговаривать сперва тайно и наедине великого князя не совершать таких тиранств».

Неизвестно, когда происходили тайные «уговоры». Возможно, еще до того, как Иван Васильевич вернулся в Москву из неудавшегося похода. Тогда Филипп сам ездил к нему. А может быть, уже в Москве, незадолго до декабрьского Собора 1567 года. Но никак не позже самого Собора: с декабря отличие позиций государя и митрополита относительно опричнины стало достоянием публичных разговоров. На протяжении первых месяцев 1568 года конфликт нарастает, постепенно принимая все более острую форму. Тут уж не до бесед наедине…

Важна эта деталь вот почему: она показывает, насколько верен был Филипп древним церковным правилам, исходившим еще от апостолов. Митрополит видел в жизни раннехристианских общин чистоту, в речениях апостолов – абсолютную истину. Он следовал этому идеалу естественно – как дышал.

Начав с мягких слов, Филипп не увидел отклика в душе Ивана Васильевича. Поэтому с каждым разом он сам выступал с более и более жесткими обличениями. Царь и без того едва терпел митрополита со столь твердым характером, а Филипп не видел оснований смягчаться. Ведь массовые казни продолжались, худшее, что было в опричнине, цвело пышным цветом, а великих военных одолений от ее бойцов не случилось. Во всяком случае, при жизни митрополита.

Спор, непонимание, упрямство Ивана IV привели к открытой вражде. По словам одного летописца, «…учал митрополит Филипп с государем на Москве враждовать об опришнине». Назревало решающее столкновение.

Оно произошло то ли в конце зимы, то ли весной 1568 года. Филипп вел тогда богослужение в том же Успенском соборе Кремля. Обстоятельства нового столкновения в какой-то степени напоминают случившееся в прошлый раз, когда Филипп отказался дать царю благословение.

Приближенные Ивана IV подошли к митрополиту и объявили ему: «Владыко! Благочестивый царь Иван Васильевич, придя к твоей святости, требует благословен быти от тебе». Казалось бы, Филипп оказался в неудобном положении: он него опять требуют благословения, хотя поступки человека, пришедшего за ним, стали только горше… Однако митрополит не таков, чтобы видеть в этом неудобство. Напротив! Он рад случаю вновь показать свое отношение к опричнине. Глава Церкви высказывается, ничуть не сдерживая резкости: «Умилосердуйся, светлейший многохвальный государь, вели своим подручникам перестать делать их дело, оставить нас, повинных сирот! Ведь писано: “Царева правда – в суде!” Почто… неправедные дела творишь? Сколько уже страдают православные христиане! Мы, царь, приносим жертву Господу чисту и бескровну – за тебя, государя, Бога молим, а за алтарем неповинная кровь льется христианская и напрасно умирают. Если не велишь, государь, перестать лить кровь и наносить обиды, взыщет с рук твоих Господь… Ведь всё это происходит от твоего царственного разделения! Не о тех я скорблю, чья кровь проливается неповинно и кто уходит из жизни как мученики – их венчает Христос, Бог наш, венцами не тленными, – но имею попечение о твоей единородной и нетленной душе. Если просишь прощения грехов, то прощай и к тебе согрешающим, ибо прощению дается прощение!..» Сказано было, как видно, гораздо больше, и автор Жития передает лишь в самых общих словах содержание обличительной речи, но и по ним ясно, насколько серьезные обвинения выставил царю митрополит.

Царь, как и прежде, не внял словам Филиппа. Опять ярость захлестнула его. Как же так, нашелся человек, не побоявшийся при огромном скоплении народа позорить его! Обвинять в неправедности! Называть казненных изменников мучениками! Мало ли, что они, быть может, и слыхом не слыхивали о замыслах своих господ, мужей, отцов, но раз стояли рядом с ними, значит, осквернены, так пусть же кровь и смерть очистят их! Пусть даже памяти их не останется, пусть всё будет выжжено! Отчего не понимает человек, которому Бог судил быть нравственным наставником царя, таких простых вещей? Отчего он против?! Отчего смеет он восставать!

Иван Васильевич восклицает:

– Неужели хочешь переменить то, что делается моей волей, Филипп? Лучше бы тебе быть моим единомышленником!

И слышит ответ:

– Если так поступлю, то тщетной будет наша вера и тщетна проповедь апостольская. И всуе нам будут Божественные

предания, принятые нами от святых отцов! Всё, в чем христианское учение видит добродетель, всё, что предусмотрел для людей Владыка небесный, даровав нам ради нашего спасения, следует нам соблюдать непорочно. А ныне сами рассыплем – так не достигнем того!

Государь изумлен:

– Филипп! Ты что же, твердо решил противиться моей власти?!

– Благой царь, – ответствует с достоинством Филипп, – твоим повелениям я не повинуюсь и не соглашусь я с недобрым их смыслом, хотя бы и пришлось мне принять от тебя тьму страданий… За истину благочестия подвизаюсь. Если и сана меня лишишь или предашь лютым мучениям, то и тогда не смирюсь.

Ярость затуманивает разум Ивана Васильевича. Он бранится, он угрожает митрополиту страшными муками. Однако напугать Филиппа царь не может: у соловецкого монаха слишком мало в этой жизни такого, за что он цеплялся бы, что ценил бы. Его сокровища – выше земли, выше суеты, выше тщеславия.

Одно лишь беспокоит митрополита: он пастырь, ему жаль овец, которым и далее предстоит страдать. Он не боится душу положить за «словесное стадо», любя и жалея его. И перестает Филипп обличать властителя, теперь он лишь молит его, как главного из духовных сыновей своих: перемениться, оставить свирепость, оставить неправедные дела.

Но его доброй надежде не суждено сбыться. Царь не слышит его, царь видит в нем мятежника, царь покидает церковь, оставив мысли о митрополичьем благословении…

Убедившись в непримиримо твердом настрое Филиппа против опричнины, Иван IV принялся строить планы, как убрать строптивца с митрополичьего двора. По Москве поползли слухи, порочащие главу Церкви. Однако народ не очень-то принимал клеветников. По словам Жития, люди нисколько не отступали от святителя – напротив, «прилеплялись» к нему.

Тогда Иван Васильевич отыскал среди высших иерархов Русской Церкви двух людей, которые согласились помочь ему в изгнании Филиппа с митрополии. Для этого прежде всего следовало «собрать материал», дискредитирующий первоиерарха. При его благочестии подобная задача оказалась совсем не простой.

Итак, на первый план выступает архиепископ Новгородский Пимен. Ему предстояло сыграть неприглядную роль. Что подтолкнуло его к действиям, о которых Церковь вспоминает с печалью? Возможно, тщеславное желание заменить Филиппа на

кафедре. Или страх перед свирепым нравом царя, не щадившего последнее время ни правых, ни виноватых. А может быть, исподволь выраставшая в архиерейской среде привычка повиноваться боговенчанному государю, не рассуждая и ни в чем не прекословя… В характере Пимена видят дурное, порочное начало. Но в этом ли всё дело? Перед архиереями стоял выбор: следовать пастырскому долгу или же покоряться долгу подданных, над которыми поставлен помазанник Божий. Объяснив для себя действия Филиппа как непозволительный мятеж, кое-кто из них пошел по более удобному пути. По более безопасному. Вероятно, не столько хищные устремления следует видеть в Пимене, сколько слабость воли, нежелание до конца стоять в истине. Повиноваться православному государю естественно для православного иерарха. Почти всегда. Но порой возникают обстоятельства, когда естественное оборачивается противоестественным. Немногим хватает духовной твердости увидеть и признать это.

Молоденький певчий Успенского собора, красавчик, устрашась тяжких угроз, выступил против Филиппа с чудовищным обвинением. Якобы митрополит позвал его к себе среди ночи для беседы о добродетелях. Тогда отрок «пострадал», по его словам, от Филиппа, видел от него противное и «неполезное». В сущности, речь шла о содомии. В чем худшем могли обвинить митрополита после того, как он вступил в духовный поединок с помрачением царской души?!

Услышав такое, вознегодовали епископы на своего митрополита: «Как можешь ты царя утверждать в вере, если сам творишь неистовое?» Особенно старался, угождая Ивану Васильевичу, Пимен. Для кого-то, наверное, обвинения отрока прозвучали как гром среди ясного неба. Их чувства были искренними. Ну а кто-то (в том числе архиепископ Новгородский) и рад был их поддержать, желая мира с царем и готовясь убрать с митрополии человека, мешавшего этому миру. Филипп, наблюдая за суетливыми трепыханиями Пимена, холодно пророчествовал ему: «Тщишься похитить чужой престол, но вскоре из своего извержен будешь!»

«Иконом» Успенского собора Харлампий, зная, что Филиппа стремятся оклеветать, допросил отрока со всей строгостью. Тот со слезами признался: «Меня принудили…»

Епископы, любившие Филиппа, оставили прежнее сомнение и негодование. А у тех, кто занимал позицию Пимена, исчез повод нападать на него. Но и те и другие поняли: дело идет к лишению сана.

Филиппа упрашивали простить певчего. И он отнесся к

проступку молодого человека с необыкновенной мягкостью. Обращаясь к несчастному отроку, Филипп сказал: «Пусть будет к тебе милостив Христос, любезный, пусть дарует Он тебе прощение. А ты прости тем, кто научил тебя такому». Не гневаясь на архиереев, глава Церкви молвил им горькие слова: «Знаете ли, возлюбленные, чего ради хотят меня извергнуть и подталкивают к этому царя? Я не простер к ним словес лестных, не ласкал их и не облекал в брачные ризы… Но если об истине умолчу, да не останусь в епископском чине!»

Совершенно ясно: митрополит понимал, что гнев и недоумение высшего духовенства стали результатом интриги, за которой стоят все те же опричные советники Ивана Васильевича. Архиереи были избраны ими на роль орудия для свержения Филиппа. Царь был недоволен и рассержен: первая попытка сбросить Филиппа с митрополии не удалась, напротив, добрая репутация первоиерарха укрепилась. Теперь, где бы ни встречались они с Филиппом, государь обращал к нему «немирные» слова.

Очевидно, попытка очернить Филиппа сопровождалась каким-то церковным собранием, куда съехались русские архиереи. Смысл его не был тайной за семью печатями для современников. И новгородский летописец мог именно к нему приурочить начало «вражды».

Другим архиереем, которого пытались использовать против Филиппа, стал Суздальский владыка Пафнутий. На декабрьском Соборе 1567 года он выступил как противник митрополита. Теперь в нем увидели еще одну фигуру для игры против главы Церкви.

На Соловки отправилась «следственная» комиссия, куда вошли, помимо Пафнутия, архимандрит московского Спасо-Андроникова монастыря Феодосий, опричный дьяк Дмитрий Михайлович Пивов, а также князь Василий Иванович Темкин-Ростовский, возглавивший крупный воинский отряд. Официальной целью комиссии было «испытать… каково было прежнее житие митрополита». Что же касается истинной цели, то она видна по действиям должностных лиц: выбить из соловецких насельников показания, которые можно было бы использовать против Филиппа. Поводом для отправки комиссии, очевидно, стало разбирательство, связанное с бедным певчим. Его использовали в духе: «А вдруг что-то было? Так давайте проверим основательно».

Князь В.И. Темкин располагал людским ресурсом, неадекватно большим для обыкновенной проверки «прежнего жития» игуменского. С ним было, в частности, 10 дворян. Это

показывает размах следственных мероприятий. Такого нашествия столичных чинов Соловецкий архипелаг не знал никогда. Подверглись аресту настоятель Паисий и десяток старцев. Соловецких иноков направили в столицу, рассчитывая опереться на их показания, когда начнется судилище над Филиппом.

На Соловках Темкин и его люди оставили по себе дурную славу. Здесь долго поминали недобрым словом радикальные методы «следователей». Кое-кого из монахов принуждали к лжесвидетельству «ласканием», «мздоимством». Другим обещали «сановные почести». Третьих откровенно запугивали. Князь Василий Иванович и архимандрит Феодосий без устали искали следы какой-то вины Филиппа. Очевидно, к монахам, не желавшим помогать им в этом, применяли «особые» меры. Следователи нанесли соловецким старцам «многие раны», требуя «напрасно на святого неподобная глаголати». Но неожиданно для себя они встретили упорное сопротивление: старцы готовы были терпеть мучения за любимого настоятеля. Иноки отвечали на вопросы «следователей» одними и теми же словами о «непорочном житии» Филиппа на Соловках. Вместо «компромата» князю Темкину со товарищи доставались совершенно иные свидетельства: им приходилось слушать про то, как Филипп, исполнившись мыслей о Боге, пекся «о святом месте и о братском спасении».

Соловецкая обитель оказалась «крепким орешком». В самой комиссии начались разногласия.

Соловецкий летописец сообщает, что следствие велось «на весну» 1568 года. Скорее всего, комиссия приплыла на острова не ранее мая. Вернулась же комиссия, в таком случае, примерно в июне – июле. Точнее сказать не представляется возможным.

Как покажет церковный суд над митрополитом Филиппом, добытые трудами следователей материалы оказались некачественным «компроматом». Как видно, качественного просто быть не могло. Однако царь счел собранные показания и доставленных свидетелей надежным основанием для начала суда.

Возможно, Иван Васильевич колебался. Надо полагать, он не хуже Пафнутия Суздальского понял, чего стоят бумажки, привезенные князем Темкиным. Царь знал цену таким слугам. Он не торопился дать «делу» ход, возможно, еще надеясь на примирение с Филиппом, на его покорность. Ни в июне, ни в июле Филиппа не тронули. Но…

Митрополит не собирался смягчать свою позицию. Возобновление спора между ним и государем было делом времени. Очередной конфликт переполнил чашу терпения Ивана

IV. Хотя бы и не видел государь правды в «обыскных речах» соловецких насельников, а все-таки слишком хотел избавиться от Филиппа, чтобы положить бумаги под сукно.

Гром грянул 28 июля 1568 года – на память святых Прохора, Никанора, Тимона и Пармена.

По старинному обычаю царь и митрополит приходили в этот день на торжество в Новодевичий монастырь, стоявший тогда за чертой Москвы. Главный храм обители, Смоленский собор, имел придел в честь названных святых. Иван Васильевич прибыл со свитой и боярами в тот момент, когда Филипп обходил крестным ходом обитель. Дойдя до Святых ворот, митрополит приготовился к чтению Евангелия. Однако тут он заметил царских слуг, стоявших в неподобающих, строго запрещенных головных уборах – тафьях. Если сравнивать с нашими временами, то это всё равно что войти в церковь, когда совершается богослужение, в тюбетейке, кипе или с пластиковыми рожками и багровой мигалкой.

Изумившись, Филипп обратился к государю с укором:

– Совершается Божественное славословие, читается Божье Слово. И слушать его подобает с непокрытой головой – во имя утверждения христианского закона. Отчего же вон те, – он показал на виновников, – почитают агарянский закон и стоят с покрытыми головами? Ведь все мы одной веры.

Царь изумился не меньше:

– Да кто?

Филипп ответил:

– Твои думные люди.

Иван Васильевич повернулся, отыскивая взглядом нарушителей порядка. Однако те уже сорвали с голов тафьи и спрятали их. Никто из рядом стоящих не посмел на них указать, поскольку они считались царскими любимцами.

Сцена становилась неудобной и для государя, и для Филиппа. Иван Васильевич озирался, свита застыла в полном молчании, все боялись лишний раз открыть рот. Но вот послышались недобрые шепотки: «Великий государь! Вранье. Да он позорит тебя!»

Иван IV вновь спрашивает митрополита, нет ли ошибки, но тот уверен в своей правоте. Именно тогда государь полностью потерял доверие к Филиппу и окончательно решил извергнуть его из сана, чтобы он «не возмущал народ». Если и были в душе Ивана Васильевича сомнения, колебания, то теперь он видит в поведении Филиппа всего лишь бессмысленное упрямство.

Худшее совершилось…

Вероятно, в игру тогда вступили те самые скуратовы и

грязные, поднявшиеся из грязи в князи, а потому готовые загрызть любого, кто смел возвышать голос против опричнины. Возможность примирения Ивана Васильевича и Филиппа таила для них прямую угрозу. Следовательно, главной заинтересованной стороной в новом скандале являлись именно они. Да и главными действующими лицами, включившими механику столкновения…

Отзвучали укоризненные слова митрополита. Полыхнули будущей кровью слова государя. Иван Васильевич с опричной свитой покинул монастырь. Но путь его от обители к Опричному двору лежал через многотысячные толпы, собравшиеся для крестного хода, возглавленного митрополитом. Московский посад, узнав о смелых речах Филиппа, встал на его сторону. Люди волновались, в воздухе запахло грозой.

То, что произошло дальше, современные историки реконструировали буквально по крупицам, собрав сведения из малых летописных памятников{ Реконструкция событий, связанных с антиопричным восстанием московского посада, принадлежит историку В.И. Корецкому, блестящему специалисту по истории Московского царства. Однако в академической среде она вызвала споры. Некоторые историки считают, что выступления не было.}. Распаленное многолюдство не отставало от царской свиты. Наконец на Арбате Ивана Васильевича окружили со всех сторон, а охрану его оттеснили. Царствующая особа в народных глазах была священна. Не то что убить ее или ударить, а даже выступить с угрозой выглядело как великий грех. Но народ был в своем праве – жаловаться государю на «тесноту» жизни, на злоупотребления его подчиненных. И посадские низы подали Ивану Грозному коллективную челобитную с общей просьбой: отменить опричнину! Повторялась история 1566 года, только сейчас выступало не 300 дворян, а тысячи московского простого люда.

Царь увидел, как в лике человеческой громады, напряженном, усталом, раздосадованном, проступает гневное выражение, знакомое ему по событиям двадцатилетней давности. Тогда, в 1547-м, случился великий бунт, встала вся Москва, толпы хватали и убивали аристократов прямо на улице. Вся сила правительства не позволила утишить «мятеж»; в ту пору страх вошел в душу молодого правителя, а плоть наполнилась трепетом… Что, если бунташная сила вновь поднимет столицу?

Иван IV спешно выехал из Москвы в Александровскую слободу. Пусть народ успокоится… потом, потом уж мы с ним разберемся.

Вскоре после столкновения с царем и его опричной свитой в Новодевичьем монастыре митрополит переехал из своей кремлевской резиденции в московскую обитель Николы Старого. Он удалился от зла. Он не хотел быть рядом с царем даже географически. Сам факт переезда вновь показал москвичам «нелюбие» между главами светской и духовной власти в Московском государстве. Что это значит?

Если прежде конфликт между Иваном Васильевичем и Филиппом был достоянием относительно узкого круга лиц – пусть по столице и ходили недобрые слухи, пусть вспоминали очевидцы прилюдно сделанные обличения Филиппа, – но до открытого разрыва дело не доходило. Кто знал о работе следственной комиссии на Соловках? Кто знал, до какого накала дошли противоречия между двумя величайшими людьми страны? Теперь – узнали. Митрополит показал: примирения с опричниной он не желает, пастырского благословения на нее не дает и не даст, обличать ее не перестанет. Показал – всем. Всей столице.

Чего ж яснее?

Ответная кара стала делом времени.

Иван IV разбирает бумаги, написанные следственной комиссией князя Темкина-Ростовского, прикидывает, каких свидетелей стоит вызвать на суд, как их использовать. Он имеет возможность просто убить митрополита, но в этом случае царство, и так расщепленное до основания опричной трещиной, может просто развалиться. Чего ждать от подданных, когда слетит голова самого митрополита? Не обернется ли его гибель ужасающим мятежом? Не восстанет ли земщина?

Царь медлил.

Он размышлял, взвешивал… По всей видимости, натура артиста, человека, стремящегося всякий свой поступок «поставить», как ставят театральное действие, позвала его к иному решению. Не убить, нет. Рискованно, некрасиво. Гораздо лучше – опозорить. Унизить, раздавить. И сделать всё это с помощью большого спектакля с большим количеством задействованных персонажей. В нем Иван Васильевич попробовал себя не на актерской стезе, а на режиссерской.

Епископа да судит епископ – таковы церковные правила. Но наша Церковь давно потеряла ту необыкновенную самостоятельность, которой она пользовалась в XIV и XV столетиях. Вот и осенью 1568 года Филиппа судил не церковный суд, а светская «боярская комиссия» во главе с Иваном IV. Никто не сомневался в том, что царь сумеет навязать Церкви решение этого суда. Опричные бояре рассматривали свидетельства,

собранные Темкиным-Ростовским, выслушивали свидетелей, выжимали показания из соловецкого настоятеля Паисия, привезенного в столицу… А что же владыка Филипп? Где он был в это время? На заседания боярской комиссии его не позвали. Он знал: туча над его головой сгущается, скоро грянет гром. Но время активного действия прошло. Теперь он выполнял свою повседневную работу да служил по праздникам архиерейские службы. Этого ему пока не запрещали.

Разбирательство длилось долго. Житие Филиппа говорит: митрополита оклеветали. Против него были пущены в ход «лжесвидетели и ложные многосмутные свитки». Митрополита обвиняли в «порочной жизни». Возможно также, его обширная хозяйственная деятельность на Соловках сделала возможным обвинение к корыстных устремлениях. Всякий человек, отвечающий за большое хозяйство, может быть обвинен в чем-то подобном – просто в силу того, что ему приходилось ворочать крупными суммами и дорогим имуществом. В этом смысле беспорочен будет лишь совершенно бездеятельный человек. У прочих же обязательно найдется хоть какой-то фактик, который можно «пришить к делу».

Митрополит Филипп служил в Успенском соборе, когда под церковные своды ворвалась воинская команда во главе с великим опричным боярином Алексеем Даниловичем Плещеевым-Басмановым. Он сыграл роль главного распорядителя.

Алексей Данилович объявил Филиппу волю царя: «Ты недостоин святительского сана!» Из-за спины его вышли приказные люди и принялись зачитывать показания лжесвидетелей. Филипп смиренно смотрел на своих гонителей, не говоря ни слова в свое оправдание и не пытаясь с ними спорить.

Как только смолкли голоса чтецов, Басманов подал своим людям знак, и те бросились на Филиппа, сорвали с него архиерейское облачение со знаками сана. Митрополит оставался спокоен. Его позорили, его пытались выставить в жалком свете, но вышло иначе. Он не выдал ни словом, ни жестом страха или удивления. Стоя в разорванных одеждах, митрополит отворотился от опричников и недрогнувшим голосом промолвил, обращаясь к священнослужителям: «О чада! Скорблю, расставаясь с вами, но радуюсь, что послужил Церкви. Церковь наша овдовеет, и будут в ней пастыри как презренные наемники»… Подскочившие опричники не дали ему попрощаться. Они напялили на митрополита рваную монашескую рясу, сшитую из лоскутков. Затем Филиппа вытолкали из храма, нанося удары метлами, и посадили на воз. Пока его вывозили из Кремля,

охрана изощрялась в брани. Опальному архиерею грозили страшными наказаниями.

А он… лишь улыбался в ответ.

Наконец Филипп произнес: «Чего Бог не позволит, того человек не совершит, ибо Он нам помогает. Нам думать не о мимотекущем, а о лучшем и вечном, а Бог наши тщания повернет к делу…» Что было тогда «мимотекущим» для злобного эскорта? Не боясь Высшего судии выслужиться перед начальством, отлупив старика в лоскутной рясе.

Несмотря на окрики и тычки опричников, за возом с Филиппом шла толпа людей. Они молчали – слово вымолвить было боязно, как бы не оказаться в застенке… Толпа двигалась молча, у некоторых текли слезы. Митрополит осенял их крестным знамением, призывал молиться Вседержителю и принимать все скорби с радостью.

Кремлевские стены остались за спиной. Филиппа везли мимо Никольского крестца, за Ветошный ряд. Там, в сердце Китай-города, стоял Богоявленский монастырь. Он славился древностью, а в будущем прославится еще больше как крупный центр духовного просвещения. Однако, как пишет современный биограф митрополита Филиппа В.А. Колобков, «…Иван IV едва ли руководствовался подобными соображениями. В отличие от большинства монашеских объединений Богоявлений монастырь был особножитийным. Лишенные обычного повседневного общения, монахи жили в нем независимо друг от друга. Для царя, стремившегося любой ценой изолировать низложенного митрополита, именно такой монастырь казался самым надежным местом заключения».

У самых ворот митрополит сказал негромко, так, что услышали немногие: «Пастырь добрый душу свою полагает за овец» (см.: Ин. 10, 14–15).

Этой обители суждено было стать временным пристанищем Филиппа. Тут его содержали худо: царь гневался на архиерея, и кто осмелится помочь ему?

Вскоре Филиппа отвезли на митрополичий двор. «Почетной охраной» служили ему все те же опричники, бившие его метлами и бранившие. Но вот настал момент встречи с государем. Царственный режиссер еще не завершил свою постановку. Арест врага совпал с антрактом, теперь начиналось второе действие.

Это произошло по разным источникам то ли 4, то ли 8 ноября{ Существует свидетельство, согласно которому Филипп положил митрополичий посох и мирно оставил сан, однако, по воле царя, его уговорили облачиться в митрополичьи одежды вновь и отправили на последнее богослужение, собираясь

публично унизить. Но достоверность этого свидетельства вызывает серьезные сомнения.}.

Совсем обойтись без церковного суда в таком деле было неудобно. Поэтому на митрополичьем дворе собрались русские архиереи, которым Иван Васильевич велел провести новое судилище. Вновь приказные люди извлекли из мешочков столбцы «розыскной» комиссии, вновь послышались обвинения, записанные со слов лжесвидетелей. Оказались тут и соловецкие иноки, но что они говорили, стойко ли держались или все-таки вымучили из них признания против прежнего настоятеля, понять невозможно. Похоже, страдая душой, монахи цедили по словечку… Немногословен был главный «свидетель обвинения» – новый соловецкий игумен Паисий. Царь остался недоволен, Филипп же бесстрашно напомнил о примере Иуды.

Дело, состряпанное на основе лжи и клеветы, трещало по швам. Филипп не только отрицал свою вину, он еще и продолжал, перед всем церковном собором обличать царя за его опричное «неистовство». По одному свидетельству современников-иноземцев, митрополит сказал «Я жил в святом месте, в христианской общине Соловецкого монастыря, честно, праведно, справедливо. Не стоит упрекать меня в пороках». Житие добавляет: «А если и бывал чего-то недостоин, то поступал так не ради суетных дел». Обратившись к самому Ивану Васильевичу, митрополит требовал оставить опричнину – «неугодное начинание». Он призывал царя держаться благих обычаев прежних государей. Он говорил: «И твоего высокого сана не пощадит смерть, вонзит в тебя ядовитые зубы. Помня о ее немилосердном пришествии, государь, копи на небе сокровища – плоды добродетелей. Все, что собрал на земле, здесь же и оставишь, наг отвечать будешь о своей жизни».

Неожиданная твердость Филиппа произвела на соборе настоящее смятение. Иван IV пришел в ярость и велел опричникам увести его. «Представление» пошло совсем не так, как планировалось. Сопровождая Филиппа, охранники размышляли вслух: «К чему он противится государю? Не прикончить ли его прямо здесь, прямо сейчас?! Один такой выискался, обличитель!»

Вернув святителя в Богоявленский монастырь, его посадили в «злосмрадную хлевину», забив ноги в колодки. На шею узника повесили тяжкие вериги, руки стянули железными оковами. Целую неделю его морили голодом. Более того, в темницу запустили медведя, но зверь не тронул митрополита. За стенами монастырской темницы москвичи ловили каждое слово, просачивавшееся из узилища. Мрачные слухи немедленно

преобразовывались в еще более страшные мифы. Город был уверен, что Филиппа мучают ужасной пыткой, надавливая на череп железною шапкой… Люди сокрушались сердцами: митрополит, знавший богатство и комфорт, имевший всё, чего душа пожелает, являвшийся одним из главных людей царства, ради них, ради паствы, сейчас страдал от зверства тюремщиков и жестокосердия самого великого государя. Доброта и злодейство выступили на сцену в евангельской прозрачности. Все понимали: в сердце великого города не просто мучают одного старика, нет, совершается преступление, эпическое по своему значению. И в то же время этот старик держится, стоит на своем, ни в чем не уступает мучителям. Ради чего? Ради упрямства и гордыни? Нет, его терпение – столь же великий символ, как и злоба тех, кто его истязал, только с другим знаком. Ради веры, любви к «стаду детей духовных» и милосердия митрополит выносил мучения. Если он уступит, останется ли в храмине огромного государства душа? Или одно бряцающее металлом величие? Скольких славных побед добилась Московская держава на ратном поле! Гордые города склоняли перед ней шею, повелители целых народов приносили присягу русскому царю. Повсюду воздвигались новые крепости и монастыри. Хищный кочевник разбивался о стену российских полков… А вынь из русского дома, раскинувшегося от Белого моря до Дикого поля, душу, и рухнет тогда вся великая слава, и сила, и полки побросают оружие. У всякой цивилизации есть главная ценность, ради которой люди воюют, работают, на которую, как на несокрушимую стену, опирается весь строй общества. У Руси такой ценностью была христианская вера по православному обряду, вера во Святую Троицу, Бога-Слово, Бога-Любовь, Бога-Истину. Сокрушение этой веры означало бы одно: людям оставалось жить только ради собственного прибытка. А такое существование способно опустошить любое, даже самое крепкое жилище.

И вот посреди столицы вера погрешалась. Глава Церкви должен был принять муки и унижения, как вор или еретик. От одной его стойкости зависело теперь, будет ли из России извлечен ее духовный стержень, любовь и вера, упадет ли в цене преданность этому идеалу или он воссияет ярче прежнего…

Каково было тогда немолодому человеку? Что он чувствовал? Скорбел ли о своей несчастливой судьбе? Вспоминал ли яства с митрополичьего стола? Дорогие одежды? Великую власть свою?

Митрополит Филипп с юных годов знал: всё в этой жизни имеет конечный предел. Ничто земное не имеет прочности. Человек с обнаженной душой и обнаженным телом предстанет на суд Божий, когда настанет час отвечать перед Ним за порогом

смерти. Чем больше в его душе любви к яствам, одеждам, прочим утехам или, скажем, к мирской славе, к власти, тем труднее будет душе пройти по воздушной лестнице от земли к небу. Такие привязанности лишь отяжелят душу, потянут ее книзу. Легкости может добавить любовь к Богу. А значит, и к людям, ведь в них живы образ и подобие Его. Так страдал ли Филипп в своем узилище? От голода и оков – несомненно. Зато душа его радовалась, душа ото всех мучений становилась легче. Для души каждый золотник железа, висевшего на митрополите, стал великим приобретением.

Житие Филиппа сообщает: вскоре после того, как его заточили, все оковы сами собой спали с тела митрополита. В связи с этим автор Жития вспоминает псалом: «Очи Господни обращены на праведников, и уши Его – к воплю их… Много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь».

Когда царю доложили о таком чуде, он, в изумлении, убоялся предавать митрополита новым мукам. В Богоявленской обители Филипп жил всего неделю, затем его увезли в монастырь Николы Старого, избавив от одинокого пребывания, тяжких колодок и вериг. Дабы лишить Церковь малейших надежд вернуть Филиппа на митрополичью кафедру, царь способствовал скорому избранию его преемника – Кирилла, настоятеля Троице-Сергиева монастыря. 11 ноября 1568 года Кирилла поставили в сан.

Но вскоре Иван Васильевич перевел случившееся с Филиппом на понятный для себя язык гневных обвинений: «Чары он сотворил, неприятель мой и изменник!» Теперь государь жаждал спалить «неприятеля» за чародейство.

Однако, по свидетельству источников, Филиппа вместо «огненной казни»… стали лучше кормить. Возможно, поводом для смягчения участи Филиппа стала позиция высшего духовенства. «Смятение», начавшееся на церковном суде после смелых слов митрополита, означало споры между иерархами. Как видно, кто-то из них, не желая соучаствовать в терзаниях главы Церкви, противопоставил свою волю воле Ивана IV. Царь желал смерти непокорному Филиппу, а Церковь сопротивлялась столь жестокому вердикту, пытаясь защитить пастыря.

В итоге опальный митрополит не только избежал смерти в 1568 году, но также вышел из судебных диспутов непобежденным и покинул стены узилища.

Государь, по всей видимости, считал, что «строптивый» митрополит наказан слишком мало. Опричники схватили приближенных Филиппа – старца и трех дворян, служивших Московскому митрополичьему дому. Их отправили в тюрьму, затем вытащили оттуда и принялись водить по улицам столицы,

нанося удары булавами. Вскоре последний из старцев рухнул наземь в лужу крови… Имена этих страдальцев: Леонтий Русинов, Никита Опухтин, Федор Рясин, Семен Мануйлов. Склоним же голову перед ними. Им пришлось претерпеть боль, поругание и позорную смерть, но имена их остались светлы.

Расправа над ними ничуть не поколебала Филиппа.

Тогда Иван Васильевич велел отрубить его троюродному брату Михаилу Ивановичу Хромому-Колычеву голову и отнести ее Филиппу, отдыхавшему от темницы в Никольской обители. Возможно, митрополиту намекали: всё еще можно раскаяться в неповиновении, благословить опричные зверства и заслужить прощение у царя. А то ведь родственников много, и все они представляют собой одно большое уязвимое место. Судя по косвенным данным, Иван IV отобрал тогда ряд земельных владений, принадлежавших семейству Колычевых.

Не получилось…

Когда Филиппу принесли голову, он поклонился гонцу с окровавленным подарком до земли, благословил его и поцеловал волосы мертвого брата. Не проронив ни слезинки, он лишь попросил передать Ивану Васильевичу: «Блаженны те, кого избрал и к себе принял Господь. Память о них сохранится из рода в род».

Теперь царь знал: можно перебить всех родственников и добрых друзей Филиппа, оросить кровью половину Москвы, положить под топор сотни верных служилых людей, которые так нужны на поле боя, прикончить десятки священников, но всё это будет напрасно. Филиппа ему не сокрушить.

Для государя пришло время смирения. Его победили. Униженный старик противостоял царю и не уступил. Его можно было пугать и дальше, морить голодом, калечить, пускать под нож самых дорогих для него людей, но добиться покорности и благословения всё равно не удалось бы. Новое мучительство шло к позору царского имени. Москва чувствовала это, и даже опричники не настаивали на продолжении борьбы с опальным архиереем.

Неправедный суд был посрамлен. И в этом высокое значение событий, происходивших осенью 1568 года в Москве.

Закончился Филиппов пост. Миновали рождественские праздники. Наступил январь. Митрополита ждала ссылка: его отправили в тверской Отроч монастырь. Это был своего рода почет, хотя и странный – с сегодняшней точки зрения. Отроч монастырь возник в XIII веке у впадения Тверцы в Волгу. Во времена независимости Твери он отличался богатством и считался наиболее чтимой обителью во всем княжестве. Но и при власти Москвы монастырь не потерял высокого статуса: правили

им архимандриты, а не игумены. Здесь за полтора десятилетия до Филиппа томился особо важный узник – опальный Максим Грек. Святителю досталась тюрьма весьма высокого статуса.

Конец жизни земной

23 декабря 1569 года инок Филипп, прежний митрополит, был убит опричником Малютой Скуратовым в келье тверского Отроча монастыря. Малюта потребовал от него благословения опричному воинству, шедшему в карательный поход на Новгород. Старик отказал и ушел из жизни земной, то ли зарезанный молодчиком, то ли задушенный.

Трудно определить, по чьему почину совершилось это злодеяние.

Одна из версий гласит: Иван Грозный велел прикончить Филиппа и специально для того послал верного палача Малюту. Было ли благословение опричному воинству условием, при соблюдение которого Пастырь мог сохранить жизнь, не было ли, Бог весть. Не исключается и такой вариант, при котором старика непременно убили бы, даже и добившись от него благословения.

По другой версии, царь не отдавал приказа убить Филиппа и не хотел ему сделать ничего дурного, хотя о возвращении на митрополичью кафедру речь также не могла идти. Скорее, отправка Малюты была своего рода попыткой примирения. Но своевольный опричник то ли в ярости, то ли опасаясь какого-то дурного исхода своей миссии, то ли, может быть, испытывая к Филиппу личную неприязнь (было за что!), убил его по собственной инициативе. Государю же он доложил нелепицу о «зное келейном» и угаре… Таким образом, вина в насильственной смерти человека, когда-то возглавлявшего Церковь России, лежит исключительно на свирепом «кромешнике». Царь тут ни при чем.

У всякого преступления есть мотив. Взявшись обвинять Ивана IV, следует четко объяснить, какой у царя имелся мотив к тайному убийству Филиппа. И тут возникает неприятная коллизия. Все причины, по которым мог быть отдан такой приказ, лежат в области иррациональной: то ли умственная хворь, то ли маниакальная злоба. Конечно, существует немало людей, ставивших царственному «пациенту» диагноз с дистанции в несколько сотен лет, объявлявших его безумцем, буйнопомешанным, тупым кровожадным злодеем и т. п. Тогда, разумеется, можно утверждать, что царь, смертельно обиженный обличительными словами Филиппа и неудовлетворенный «слишком мягким» результатом церковного суда, в припадке патологической злобы решился истребить своего неприятеля. Или поставить святителя в положение выбора: полное благословение опричнине либо немедленная смерть… Да только таким диагнозам цена невелика. И такие рассуждения фактами

подтвердить невозможно. В настоящем судебном расследовании их не приняли бы в расчет: не улики и не свидетельские показания, а всего лишь домыслы.

Филипп, лишенный сана и сосланный в невеликую провинциальную обитель, Ивану IV был уже не страшен. Всякого влияния на дела он лишился. Обличения же его, брошенные публично, воротить назад, сделать незвучавшими, никто не мог. Они сделали свое дело. Столп христианской истины утвердился. Убийство Филиппа их никоим образом не перечеркивало. И, значит, твердого мотива для его совершения назвать не получается.

А был ли у Малюты Скуратова мотив для убийства, если он не получил приказа от царя?

Был, и не один. Выше уже говорилось об этом.

Похороны, совершенные в спешке, говорят о желании Малюты скрыть следы убийства на теле бывшего митрополита. Если бы у опричника было прямое и ясное распоряжение: «Убей!» – чего бы ему бояться? Современный историк В.А. Колобков, изучавший обстоятельства гибели Филиппа, пишет о страхе за свою карьеру, который мог испытывать Малюта, когда разыгрывал перед настоятелем спектакль насчет кончины Филиппа от «зноя» и «угара».

Но ведь несанкционированное убийство Филиппа могло дорого стоить Малюте… Как мог опричник, хотя бы и столь высокого ранга, пойти на столь дерзкое деяние без указания свыше?

Мог.

Вот и агиограф, составивший раннюю версию Жития, считает так же. По его мнению, преступление свершилось «хотением» Малюты.

И тут открывается самое страшное и самое некрасивое обстоятельство смерти Филиппа. Был ли у Малюты хотя бы один шанс из ста убедить царя в полной своей невиновности? В том, что старик просто задохнулся или угорел точнехонько перед сиятельным приездом Малюты? Государь Иван Васильевич всю жизнь свою провел среди политических интриг, его опыт по этой части превосходил всё, что только мог представить себе опричник Скуратов-Бельский. И если даже сейчас, по прошествии без малого четырех с половиной столетий, утверждение о мирной смерти Филиппа не вызывает ни малейшего доверия, то тогда, по горячим следам, у политика с головы до пят оправдания Малюты не удостоились бы ничего, кроме насмешки. Нельзя же врать столь неправдоподобно… Допустим, Малюта уверил царя в смерти Филиппа от рук каких-то гипотетических изменников…

Но если бы это ему удалось, тогда малую тверскую обитель перерыли бы от подвалов до куполов с крестами, взяли всех подозрительных лиц и отправили бы на плаху добрую половину. Но никто никаких изменников в Отроче монастыре не искал.

Вывод: царь знал, что убил Малюта.

И не наказал его.

Никак.

Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, по прозвищу Малюта, благополучно прожил еще несколько лет и лишился жизни лишь в январе 1573 года, во время штурма ливонской крепости Пайда. Последние годы его биографии не омрачились ссылкой или опалой. Малюта процветал. Весной 1572 года в большом русской походе он числится вторым дворовым воеводой. О такой должности прежде, по худородству своему, он и мечтать не мог. Ее, по устоявшемуся обычаю, занимали родовитые аристократы, самые сливки московской служилой знати. И Малюте она могла достаться лишь из величайшей милости государевой, в виде величайшего исключения. После гибели Малюты царь дал по его душе колоссальный вклад в 150 рублей – больше, чем по душам собственных дочерей. Жена Малюты получила большую пожизненную пенсию…

За что?

Малюта Скуратов погиб честно – в бою, на ратном поле. Но карьеру он сделал отнюдь не в сражениях и уж совсем не как гений-администратор. Малюта не выигрывал сражений, не возглавлял посольства, отправляемые для трудной дипломатической работы, он не строил крепости и отстаивал их от опасного неприятеля. Он был прежде всего карателем. Источники свидетельствуют о смерти великого множества людей разного возраста, пола и общественного положения, павших либо от рук самого Малюты, либо умерщвленных под его руководством бойцами из его отряда. И он был также одним в числе ближайших советников Ивана Васильевича. Но прежде всего – карателем, карателем, а не кем-то другим. И смерть пастыря отлично вписывается в круг обычных его дел: она заняла место еще одного «мероприятия» по «основному месту работы».

Одним словом, хорошо жил убийца Филиппа, да и семья его ни в чем не нуждалась. Никакого прижизненного отмщения за эту смерть опричник не получил. Знать бы, как его душой распорядился Господь на том свете!

Отдавал Иван IV приказ уничтожить Филиппа, или не отдавал, доподлинно установить до сих пор не удалось. И, возможно, никогда не удастся. Но отношение царя к убийству прежнего митрополита видно по тем благодеяниям, которыми

осыпан был душегуб.

Биография святого не заканчивается в тот момент, когда приходит последний срок его жизни. Через каждого из святых Господь может сказать людям нечто важное, утешить и ободрить их, исцелить от недугов или оказать иную милость. Когда оканчивается время пребывания святого на земле, среди людей, начинается новый, мистический отрезок его жизни. Вывести этот отрезок за рамки биографии не то что бы неправильно, а просто невозможно. Это означало бы зачеркнуть бездну смыслов, порою самых важных смыслов в его судьбе. Или, как минимум, обеднить жизнеописание.

Уже в 90-х годах XVI века возникла первая служба святителю Филиппу. Написали ее на Соловках. Сюда же в 1590 году были перенесены его мощи.

В конце XVI века святитель стал для Твери и Соловецких островов местночтимым святым. Но слава его постепенно росла. Житие Филиппа упоминает три чуда, случившихся на его могиле. Молва широко разнесла весть о них. Церковь чтила память Филиппа как благочестивого человека, до конца выполнившего свой пастырский долг. Всякий новый глава русского духовенства вспоминал о Филиппе как о личности, дающей ему лучший нравственный пример. Ведь обстоятельства политической жизни могли, к сожалению, повторить ситуацию, когда старший из архиереев державы должен отдать жизнь за истину…

Постепенно делались шаги к прославлению Филиппа как общероссийского святого.

В 1636 году, при патриархе Иоасафе I, соловецком постриженике, на Московском печатном дворе вышла очередная Минея – книга, содержащая молитвословия святым на каждый день. В этом издании под 23 декабря поставлена служба святому Филиппу. Там среди прочего было сказано: «Подобает царствующему граду Москве Филиппа везде имети, яко некую утварь царскую и сокровище некрадомое». По заказу патриарха была написана и отправлена на Соловки икона с образом святителя Филиппа.

Величайший шаг в посмертном прославлении Филиппа связан с другим крупным деятелем нашей Церкви – патриархом Никоном. А также, в равной мере, с идеей о возвышении «священства» в диалоге с «царством», за которую он радел.

В первой половине 1652 года Никон еще не был главой Русской Церкви, занимая Новгородскую митрополичью кафедру. Патриархом тогда являлся старый и больной Иосиф. Но Никон имел огромный авторитет и влияние на царя Алексея

Михайловича (1645–1676).

Он задумал поднять авторитет Церкви. А этого можно было достичь, торжественно восславив лучших ее людей. Тех, в ком народное сознание видело чистоту и подвижничество. Во исполнение воли энергичного Никона дряхлый патриарх благословил перенести в Московский Кремль мощи святого Филиппа с Соловков и святого Иова (первого патриарха Московского) из Старицкого монастыря Тверской земли. Они должны были окончательно упокоиться в Успенском соборе. Тогда же из Чудова монастыря в Успенский собор перешли мощи патриарха Гермогена, воодушевлявшего русских людей на защиту земли и веры в Смутное время.

Новое прославление митрополита Филиппа было излюбленной идеей Никона, его детищем. А потому происходило оно при деятельном участии митрополита Новгородского. Это дело касалось Никона и по другой причине: в 1636–1639 годах он монашествовал в Анзерском скиту на Соловках. Тогда великое пламя почитания Филиппа коснулось молодого инока и впредь не оставляло его. В 1646 году, когда мощи переносили в Спасо-Преображенский собор, Никон уже занимал архиерейскую кафедру в Новгороде Великом. Ему, как правящему архиерею всей огромной области, куда входили и Соловки, отправили частицу мощей, взяв ее из гроба, – «з гортани костку». Никон принял ее с благоговением и поцеловал.

Теперь он возглавил «посольство», отправленное за мощами из Москвы в Соловецкую обитель. Встречали его на обратном пути у Крестовоздвиженской заставы (ныне Рижская площадь). Уходил Филипп с Соловков под бойкие звоны монастырских колоколов, и в Москву он явился под их многоголосый гуд. В тот день во всяком храме звонарь старался показать свое искусство. Великий город встречал Филиппа с необыкновенными почестями. Улицы, по которым следовало доставить мощи в Кремль, с утра наполнились толпами москвичей. Из Успенского собора вышло высшее духовенство в праздничных облачениях, с крестами и хоругвями. Перед крестным ходом несли старинные иконы, возглавлял его митрополит Ростовский Варлаам, а за ним со смирением шел государь Алексей Михайлович в торжественном облачении, с царским венцом на голове.

Процессия медленно двигалась через всю Москву. Когда она встретилась с посольской колонной, царь принял благословение от Никона, а затем лично понес мощи Филиппа до Красной площади. Когда-то опальный митрополит возвращался в Москву в сиянии немеркнущей славы. Здесь его считали новым чудотворцем и стоятельным за истину проповедником. Прежде

гонимый, он сделался владыкой умов и сердец. И кем представлялись теперь его гонители, лжесвидетели на суде и сами судьи?

Угождая москвичам, царь велел ненадолго поставить мощи у Лобного места, перед стеной Кремлевской. Затем их внесли в Кремль. Оставались считанные шаги до главных соборов всей Московской державы, до тех мест, из которых в 1568 году Филиппа изгнали, где он выступал с последними проповедями, где был судим и опозорен. Его мощи входили в сердце царства, и сердце это наполнялось радостью.

Наконец, гроб с мощами святого Филиппа был доставлен в Успенский собор. Здесь его оставили открытым, дав народу возможность подходить к нему, обращаться к чудотворцу с молениями, прикасаться к мощам. На протяжении многих дней ко гробу выходил митрополит Никон и стоял там по многу часов, читая молитвы и благословляя посетителей. Многие больные приходили к мощам, или же их приносили родственники. У гроба Филиппа они искали исцеления, милости небес.

Свидетели шествия мощей по улицам столицы, стояния их на Лобном месте и в Успенском соборе вспоминают о многочисленных исцелениях, случившихся тогда при мощах святого. Немые начинали говорить, слепые – видеть, глухие – слышать. В церковных источниках записано 44 исцеления у мощей святителя, случившихся между июлем 1652-го и январем 1653 года – при перенесении мощей в Москву и в то время, когда они были выставлены для народного поклонения.

Десять дней поток москвичей, желавших подойти к мощам Филиппа, не ослабевал. Лишь после этого толпы посетителей стали иссякать. Тогда мощи были положены в серебряную раку и помещены в соборе подле иконостаса.

Алексей Михайлович воспринял всё произошедшее как великую победу истины, как Божий суд, свершенный его руками и устами. В письме ко князю Н.И. Одоевскому, рассказывая о встрече мощей Филиппа, государь восклицает: «О блаженные заповеди Христовы! О блаженная истина нелицемерная! О блажен воистину и треблажен тот, кто исполнил заповеди Христовы и за истину от своих пострадал. Не избрать пути лучше того, чтобы веселиться и радоваться во истине и правде и за нее пострадати…»

С середины XVII столетия Филипп – высокочтимый святой всей Русской земли, особенно же любимый духовенством. Во множестве появляются иконы и строятся храмы, освященные во имя митрополита Филиппа.

Память кончины святителя Филиппа празднуется Русской Православной Церковью 9 января по старому стилю, а память о перенесении мощей – 3 июля. 5 октября Филиппа поминают вместе с четырьмя другими всероссийскими святителями – Петром, Ионой и Алексием, митрополитами Московскими, а также Гермогеном, патриархом Московским. 9 августа его память отмечается в соборе Соловецких святых, в третье воскресенье по Пятидесятнице – в соборе Новгородских святых, в первое воскресенье после 29 июня – в соборе Тверских святых, а во второе воскресенье по Пятидесятнице – в соборе Всех святых, в земле Российской воссиявших.

Его мощи остаются в Успенском соборе Московского Кремля. В настоящее время они находятся в раке у южного входа в храм, перед самым иконостасом. Шатер, выстроенный над ракой, – поздний. Для туристов (а вместе с ними и богомольцев) подход к мощам перегорожен скромной музейной веревочкой. У Филиппа была беспокойная жизнь, а после смерти ему пришлось много путешествовать. Теперь у него тихое пристанище, и лишь в редкие дни богослужений, проводимых в Успенском соборе, паломник может прикоснуться губами к раке старинного Московского святителя… Если повезет.

Но святителя Филиппа помнят.

Так, как помнят очень немногих святых в огромном пантеоне Русской Православной Церкви.

Он был воителем за любовь, и любовью платят ему потомки.